

С. Весто

ГАРПИИ,
ЛЕТЯЩИЕ
НАД
УТРОМ

0918

О деятельности филиалов Страшного Суда

Сен Сейно Весто

**Гарпии, летящие над
утром. О деятельности
филиалов Страшного Суда**

«Издательские решения»

Весто С.

Гарпии, летящие над утром. О деятельности филиалов Страшного Суда / С. Весто — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837970-3

У времени много ликов. У него мало определенности. Его никогда не бывает слишком мало. И его всегда не хватает. Но каждый, как уникальный отпечаток пальца, несет на себе отгиск своего и только своего будущего — глубоко спрятанного от всех и неповторимого. И когда одно из них входит в столкновение с Общепринятым, начинается процесс выяснения, кто кого переживет, с привлечением свидетелей и слушанием предосудителей. Суд над будущим.

ISBN 978-5-44-837970-3

© Весто С.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1. Избранные выдержки из опыта прогностики погодных условий на будущее	6
ГЛАВА 2. ЛЮБИМЫЙ СТУЛ АМЕНЕМХЕТА	21
1	22
2	26
3	32
4	36
5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Гарпии, летящие над утром О деятельности филиалов Страшного Суда

Сен Сейно Весто

Дизайнер обложки С. Весто

Иллюстратор С. Весто

© Сен Сейно Весто, 2019

© С. Весто, дизайн обложки, 2019

© С. Весто, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4483-7970-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Всякое использование текста, оформления книги – полностью или частично – возможно исключительно с письменного разрешения Автора. Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами. For information address: Copyright Office, the US Library of Congress.

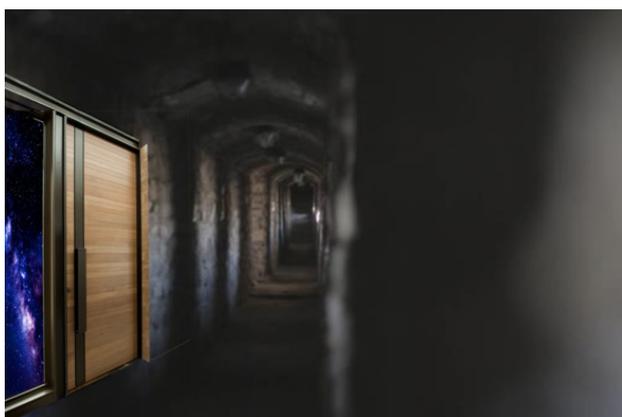
© S. Vesto. 1997—2009

© S. Vesto. graphics. 2018

senvesto.com

0918

***

***

Обозвав всех безбожниками, Дьявол спустился к себе вниз
распорядиться насчет завтрака.

– Избранные проекты мира: строительство руин. Руководство для чайников

ГЛАВА 1. Избранные выдержки из опыта прогностики погодных условий на будущее

В непроглядном ночном лесу, где-то не близко, на окраине, должно быть, той неприметной крохотной деревушки с готическими крышами, что еще пару дней назад оставались одинаково скромными, симпатичными и тихими, снова без особой охоты разгорался бой. Если не знать всех подробностей, отдельные прорывы далеких пятен света можно было отнести на счет медленно перебиравшихся с одного места на другое грозových разрядов. Впрочем, возможно, отчасти так все и было: осадки обещали уже вторую неделю, но те, словно сговорившись, ходили кругами по всем темным горизонтам где угодно, но только не здесь. Не считая отдельных проблесков, там ни черта не видно было сейчас за плетями деревьев и лютой темнотой. Было время самых крепких снов.

Позади за деревьями тоже теснилось несколько крыш: строили их давно, крепко, из расчета на период неблагоприятных условий и больших неприятностей. Некогда чистенькую черепицу укрывали дерн и навоз вперемешку с сучьями, расшвыранными взрывом. Крышам пока везло. Там было темно и тихо.

Здесь, на краю влажной крепко пахнувшей травой лесной полянки тоже приходилось не сладко, знобило, порядком уже донимал непрекращающийся шум в голове, так что временами приходилось отпускать обтертый до блеска на углах «шмайссер», стиснутый меж колен, аккуратный, апатичный и уже смертельно опостылевший, отнимать прилипшие к холодному металлу испачканные пальцы и в тысячный раз возлагать на нывший затылок. Казалось, всему этому конца не будет никогда. Совсем рядом, у земляничной полянки, возле невидимого овражка с бедным ручейком на дне, возвышаясь над взъерошенными беспокойной ночью кустами чудовищным бронированным зданием, сумрачно торчала, накренившись и словно бы нигде не кончаясь, неподвижная тень танка с коробкой башни и тяжелой задранной задницей, запутавшимися в кронах черных деревьев. Деревья поминутно вздрагивали, ночь временами становилась светлой – как день, почва вздрагивала тоже, техника была тертой, выдавшей всякое, умытой дождями и битой неприятелем, под отвесной необъятной стеной клепаного борта стыли загребущие узлы устрашающих траков. Застраившая земля комьями выпирала в отверстиях и щелях. Танк стоял здесь недавно, он уверенно глядел вперед, где его еще не было, но где все уже хорошо о нем знали. Общая процедура возгонки и притирки будущего рабочего места прямо с дистанции шла ровно. В размеренных багровых отсветах изредка вспыхивали на бронированных жженных бортах ядовитые пятна камуфляжа и большой черно-белый крест, опаленный местами и обветренный. Танк шарахал, бухая тяжело и голосисто, уже, наверное, минут пятнадцать, не переставая, как заведенный, утомительно и с равными промежутками времени, словно не нормативный боезапас там у него был – склад, так что все терпеливо ожидали, когда там у него выйдет все. В голове порядочно уже позванивало.

Вместо очередного давящего на глаза и голову уханья робко загремел роняемый на броню люк, и над башней обозначились едва различимые во тьме очертания головы танкиста в ушастом шлеме, с лицом заметно, впрочем, взмокшим, блестящим, по-рабочему недоброжелательным, хмурым и невыспавшимся. Сделав усилие, преодолев шелушащиеся звуки в горле, танкист негромко и хрипло спросил:

– Сигаретки не будет, мужики?

Где-то за лесом, на большом отдалении снова что-то надсадно шарахнуло, заставив вздрогнуть. Блеснув на мгновение, будто приблизился, неспешно нарастая и хрустя, оглушительный раскат грома, и в воздух лениво поднялась, кружа, стая ворон.

А что, было спрошено у прикуривающего танкиста, далеко ли нынче неприятель. Окапываться будем сегодня или как.

– А хрен знает, – помедлив, хрипло и невнятно отозвался воин, не поднимая лица. – Молчат же.

Он помахал перед собой спичкой, рассматривая усыпанное проклятыми звездами небо.

– Молчат же, – повторил он немного спокойнее, – уже второй день молчат, мать их, отца и сына и святого духа. Безмолвствуют...

Переступив порог и оставив сразу позади себя холодную предутреннюю ночь, полянку и лес, я плотно прикрыл за собой дверь и снова оказался в длинном нежилом коридоре. Честно говоря, вот это многообразие коридоров и лестниц начинало уже потихоньку надоедать. И так все время, подумал я. И вот так всегда, ничего принципиально нового здесь не было, стоило только прикрыть за собой дверь в нужное время и в нужном месте, как сразу же наступала нехорошая, пугающая тишина. И последствия для здравого смысла оказывались самыми печальными. В этом было что-то искусственное. Снова возникла мысль пойти сесть, прижать пальцы к утомленным глазам, отдохнуть и вообще попробовать в другой раз.

В этой части бездонного коридорного пролета царила какая-то особенная тишина. Новые обстоятельства одинаковыми длинными тенями лежали на бетонном темном полу, убивая последние проблески надежды на благополучный исход. Они лежали тут все время, эти последствия равнодушия, невзирая на уйму дверей и порогов, несмотря ни на что. Стоило бы пересечь когда-нибудь это слабо шаркающее тебе вслед пустое пространство, хотя бы на том основании, что тут этого некому было больше сделать. Сидя на пороге, с локтями на расставленных коленях, прижав усталую спину к стене, я утомленно разглядывал в полной прострации скучную череду незаконченных мрачных дверных проемов. В глубокой тревожной полутьме возле створок шахты лифта горел, ожидая, красный немигающий глаз. Ничего конкретного или просто путного во всем этом не содержалось, нужно было отсюда уходить, и как раз здесь началось самое интересное. Складывалось впечатление, что подобный вариант событий как-то не предусматривался исходным проектом настоящего архитектурного образования. Впервые за долгое время я почувствовал что-то вроде приступа иронии. Заблудился, надо же. Все-таки постоянная готовность быть непредсказуемым утомляла. С одной стороны, это было действительно неудобно – дверей много, а ты один. Однако, с другой стороны, если так подумать, куда нам торопиться. По самым скромным соображениям впереди еще масса времени. Чуть ли не вечность.

Этажом выше было все то же. Сумрачно, гулко и пусто. Длинные гулкие коридорные провалы этажей нигде не начинались и нигде не заканчивались, шли, словно на ощупь, повторяясь и сбиваясь, натываясь вдруг ни с того ни с сего на непроницаемые склепы дверей бездействующих лифтов и теряясь уже где-то едва ли не у линии горизонта. Они не казались покинутыми, но здесь это ничего не значило. Было тихо.

Я внимательно осмотрелся. В небольшой полутемной комнатке никого не было – зато были комары. К этому невозможно было привыкнуть. Мягким заученным движением, самыми кончиками пальцев я приоткрыл дверь шире, впуская воздух из коридора, распахивая настежь и оставляя так, чтобы лучше слышать, подошел к накрытому газетой низкому столу и взял в руку патрон перечницы, разглядывая. Перца оставалось не много, но тут лежал обычный черный перец. Не зернами и не стручками. Потемневший и одубелый от времени, ссохшийся разворот старой газеты на столе сохранял на себе закольцованные следы стаканов и неоднократных возлияний. Под плоским пластиковым доньшком хрустнули крошки. Засунув руки в карманы, отрешаясь и расслабляя затекшие мышцы лица и затылка, без единой определенной мысли в голове, но продолжая еще непроизвольно вслушиваться в тишину, я встал у большого раскрытого наполовину окна, без всякого интереса разглядывая предгрозовое помрачневшее небо. Не оставившее до сих пор напряжение медленно отпускало. Здесь жили люди.

Быстро темнело. Я смотрел на черный далекий горизонт, на прозрачно-зеленую тонкую полоску со свинцовыми кляксами и нитями, вызывавшую во мне непривычно домашние ассоциации, слышал рядом мягкий шорох листьев, различая в нем тончайшее унылое пение, и думал, насколько же отстояло от этих звезд, грозových туч и деревьев время детской наивности и легкомысленного, беспечного, живого леса. Меня там не было уже тысячи лет. За этими дверьми поселилась тишина. Я знал, как это должно было выглядеть со стороны, откуда-нибудь не отсюда, если смотреть наверх снизу: как окна. Провалы слепых непривлекательных окон, и часть одного из них целиком занавешена блеклым прямоугольником марли. Пустые глухие темные окна означали, что здесь коротали еще один поздний вечер, изнемогая от недостатка свежего воздуха. Марля шевелилась, чуть заметно колыхалась под давлением сквозняка. Здесь все еще был вечер. Снова вечер. Застарелая полужнакомая тоска вновь тихонько взялась своей холодной, немощной, липкой ладонью за мой затылок, так что было уже не вывернуться. Жить хочешь, спросил я себя. Пурпурная нить ненадолго легла на непроглядный рваный горизонт и растаяла. Пахло пылью. За окном, совсем рядом, сонно и мертво кивали темные пятна листьев, недвижно зависали черточки комаров и колыхались пушинки комаров, пробовавших на прочность стекло и марлю. Потрепыхавшись, одному из них без труда удалось протиснуться сквозь сетчатую чрезмерно ячеистую структуру полотна, что шевелило давление воздуха: он выровнялся, сориентировался и неторопливо направился мимо книжных полок, мимо меня – куда-то по направлению к безрадостной чернильной полосе неприметной картины. Это была не совсем марля.

Тюль, скорее. Светлая, узорчатая, дырявая тюль. По моей спине прошел ледяной озноб. Здесь, в распахнутой стороне небрежно принакрытого легкой шторой окна висел кусок старой зернистой тюли, сквозь которую без усилий проходил комар. Я почувствовал, как затылок с силой сдавливают стальные тиски. Здесь людей не было тоже. Так занавесить окно мог только тот, кто не представляет, зачем на окно вешают марлю.

А безжизненное, пустое пространство продолжало нудно шаркать мне вслед. Гудевший от нестерпимого напряжения слух вырвал из-за спины отзвук шагов.

Лишь один далекий отзвук.

В коридоре было уже сильно полночь, незнакомый рисунок дверей – прямо за спиной. Бездонный, вечный провал в обшарпанный прямоугольник темноты. От этого некуда было деться: шершавые кирпичи с углами, обнаженный участок голого каменного пола и предчувствие тени на нем.

Под нависший угрюмый ставень дверей выползло наконец далекое, унылое, неживое шарканье ног: кто-то медленно и устало брел без определенной цели – из одной гулкой бесконечности в другую, брел потому лишь, что нескончаемый коридор вел и вел его, не давая ни на шаг отклониться от заданной траектории, увлекая в ночь, неизвестно куда, принуждая в конце концов войти в собственный сумеречный профиль, в разворачивающийся профиль. И брести мимо.

Это выглядело по-настоящему страшно: долгим разворотом головы, как оцепенелое едва различимое во мраке падение – нечеткий силуэт чужого рассеянного ожидания. В дверях всегда слишком тесно. Слишком открыто. Теперь уже слишком поздно. И он прошел, этот взгляд, не вписавшись в поворот, где-то много мимо и ниже порога. И он ушел, безысходный, так и не успев ударить, унося с собой навсегда этот черный иезуитский профиль и вдребезги разнося, разбивая застоявшиеся сумерки. Словно весть извне. Словно негромкий выстрел в лицо, принуждающий бессильной ладонью хвататься за что попало и за стены с опасением оступить, уйти в скользкую полутьму, прилагая еще усилия, чтобы хоть в последний момент, хоть частью совместить прилипшее к дверному косяку сознание с этим одинаковым мертвым пространством, стиснутым в один и тот же безмолвный, каменный, гулкий коридор... Воистину, коридор этот не имел ни конца, ни чувства меры. У двери со старческими отметинами забытых

ожиданий он остановился. «04. Препараторская», – сухо известила обычная табличка. О том, что там может ждать, он больше не думал. Не стучась, вошел и оказался в небольшом помещении, заставленном шкафами и стопками книг. Непонимающе оглядевшись, пройдя несколько глубже, наткнулся на хрупкие тесные стеллажи, забитые академических размеров гроссбухами и ветшайшими фолиантами. Тут всюду пахло пылью и почему-то землей.

Он склонил голову набок, силясь разобрать на вконец затертом корешке машинный оттиск с некими каракулями от руки. На ярлычке, походя и ненужно приклепнутом к корешку регистра, в графе «срок хранения» какой-то умник, явно в приподнятом настроении, от руки распорядился: «Дискредитировать за двадцать четыре часа до ликвидации». Вытянув за самый кончик двумя пальцами тоненький почти прозрачный листик, он, прищурившись, без интереса поддержал графику на лунном свете. Ничего нового здесь не было. Парадоксизм как свойство мироощущения.

За спиной совсем рядом, где-то в смежной комнате вдруг резко заржала, наотмашь распахиваясь, полированная дверца одного из шкафов, и донесся удаляющийся звук, очень похожий на шлепанье босых пяток по линолеуму. Входная дверь скрипнула, и все стихло.

Ничего не поняв и пробежавшись глазами еще раз, он отпустил листик прямо на пол и вернулся к порогу посмотреть. За пустым порогом прямо на стене напротив висела, предостерегая, наколотая бумага с идеально правильным круглым лицом и черной шахтой зияющего беззубого рта. Вот такое же лицо он видел уже где-то в подвальной части, прежде чем у него начались настоящие проблемы с оптимизмом и ориентированием на местности. Не надо было сюда ходить, вот что, подумал он. Ведь как чувствовал. Помимо воли, как бы уже зная, что увидит, он повернул голову к бесконечно удаленному от этих мест концу коридора. В коридоре сгущались сумерки, было тихо; и на некотором отдалении только, изредка подмигивая, тусклым одиноким окном светился стенд административной части со словами: «Используя силы зла, настройся делать добро».

...Влажный, теплый, неподвижный воздух собирал и членил звуки, вызывая вялые всплески далекого эха. Тянуло затхлым. Где-то капала вода. Жилым помещениям, собственно, не полагаюсь бы так пахнуть, так могли пахнуть недостроенные здания или, может, уже отжившие свое и подготовленные к сносу. Один и тот же темный коридорный пролет напоминал чем-то заброшенный всеми, потерянный военный бункер. Снова бетон, камень и конденсат на стенах. Звон капель, слабая, бессильная музыка. Что-то напоминало все это, напоминало до ужаса, какой-то отрывок собственных запретных ожиданий, таких же холодных и бетонных. Откуда-то несло целыми кубометрами неосвоенных строительных площадей; и только сейчас удалось разглядеть в темноте впереди дальше непонятное упорядоченное шевеление, там угадывалось некое бесшумное качание, будто висело на невидимой перекладине белье. Раньше бы это могло заинтересовать, выглядело бы чем-то вроде многозначительного дополнения – раньше показалось бы важным понять, разобраться, вскрыть скрытый смысл, а теперь туда хотелось меньше всего. Теперь просыпалось лишь одно глухое чувство по поводу обстоятельств, что вечно вот так застигали врасплох, – и времени оставалось только успеть пожалеть, что не смог быть чуточку более предусмотрительным. Разглядеть все это чуть раньше. И уже рядом – близко, слишком близко, так что и не укрыться, из глубокой тьмы внезапно проступила, разом просочившись, редкая одинокая едва различимая шеренга конечностей в грязных, полосатых, пахнущих арестантских лохмотьях, вздергиваемых развязно и щупло. Жуткий танец иссохших костей. До разреженной цепи плохо одетых теней – внимательный взгляд, и уже не спрятаться. Но ломающиеся линии плясунов, кроме темноты, не скрывали за собой ничего, безмолвные пустые обстоятельства молча сыграли сумасшедших – мимоходом, наспех, – и ночь неслышно задернула за ними портьеру. И тогда же что-то изменилось. Словно был дан сигнал к действию. Будто наступило наконец начало рабочего дня, и воздух качнулся, заполняя пустовавшую до того нишу, кто-то, негромко откашливаясь в кулак, прошел мимо, кто-то нашаривал

в кармане ключи, рядом почесывали большим пальцем бровь, вспоминая забытое, оборачивались, едва не разминувшись с нужной дверью и находя пропущенную табличку глазами; здесь уходили ни на кого не глядя, где-то возник и так и остался на последнем пределе слышимости неопределенный смех и гул разговаривающих людей. Стало по-рабочему людно. Вместе с тем было видно, что никто не работал, но курить никто не выходил и никто не носился с пирожками и кефиром. И теперь чувствовалось в том какая-то последовательная неловкость, легкое напряжение даже. Это выглядело так, как если бы все чего-то ждали, и то, чего ждали, вроде бы наступило, и теперь надо уже ждать скорых последствий, которые не заставят себя долго ждать. Раз или два навстречу попадались люди, появлявшиеся прямо из дверей с пустыми табличками. Они не запирали за собой дверей и не открывали их. Это было непонятно, но объяснимо. Их ждали. Меж ними угадывались опечаленные глаза. В хороших дорогих темных костюмах и с постановкой руки, как у натасканного официанта со стажем, – эти чем-то сразу напоминали сушеную курицу. Предварительно удостоверившись, что тут никому до них нет никакого дела, они пробовали на прочность безразличные двери: кто – осторожно подержав ручку, кто – наваясь плечом. Наверное, им очень нужно было туда. Двери не поддавались. И где-то без конца бубнили. Ну, вы мне это бросьте, сказали совсем рядом, – устало сказали, терпеливо и с укором. Я скрупулезно все подсчитал, телевизор цветной, новый, для гостей – две штуки? Две. Далее. Щетка сапожная, для сотрудников, хорошая, один экземпляр. Щетка одежная, для пылесоса, комплект прилагается, одна. Щетка одежная, для гостей, две, щетка зубная, для гостей... Он, оглядевшись, тоже осторожно прижался ухом к прохладной поверхности. Там кто-то был. Приглушенные, какие-то совсем не рабочие голоса с вялой настойчивостью тянули что-то относительно того, что как хорошо засыпать, целовать и в сгущенку макать шоколадки. Он неприязненно покосился через плечо, отвлекаясь.

Здесь собирались приглашенные. Или же собранные и немногочисленные еще приглашенные начали потихоньку разбредаться сами собой по столам, стульям, кушеткам, партерам и ложам. Потайные торшеры в синий свет. Убитый расстоянием блеск. Мрамор – много темного полированного мрамора. Судя по отдельным репликам, никто тут никого толком не знал и виделся со многими впервые. Властительно отсмеявшись, высокая дородная дама с весьма богатыми бюстом и тазом, с сильными руками, привычно блистательная и легковесно сдержанная, необычайно приятная в манерах и явно любившая пользоваться привилегией говорить то, что думаешь, движением двух пальцев поправляла на бледном лбу золотистый локон, немного подаваясь бедром в сторону и покато поводя у массивной узорной металлической рамы то одним плечом, то другим.

Глядясь, не отрываясь от собственного отражения, она не спешила, отстраненно ожидала саму себя, трогала сверкавшую подвеску на широком плече и низким, доброжелательно-мягким голосом замечала рассеянно и напевно, не отрывая от зеркальной поверхности невидящих глаз: «Что же, радость моя, вы будете первая блондинка, которую я не люблю...»

Из одной из ближайших дверей без табличек внезапно на хорошей скорости вылетел, сразу же безжалостно и жестко остановленный дверью напротив, некто чрезвычайно невысокого роста и не вполне причесанных очертаний. Посетитель, оторвавшись от пола, восстанавливая пошатнувшееся душевное равновесие, спотыкаясь и поминутно роняя и подхватывая на ходу папочку, по плавно изогнутой траектории ушел к отдаленному выходу. Однако у них тут весело, подумал он. В коридоре имело место некоторое оживление.

Он предусмотрительно посторонился, пропуская галопом несшегося прямо на него хрипло дышащего мужчину с артистично растопыренными пальцами простертых рук и широко раскрытыми глазами без единого проблеска мысли. Не отставая ни на шаг, за ним с грохотом, достойным и лучшего коридорного покрытия, мчался пожилой джентльмен с решительным лицом, облаченный в развивающееся, иссиня-черное и глухое, отдаленно напоминавшее средневековую хламиду духовного сановника. Хлопнула, не закрываясь, дверь, и оттуда сей-

час же вскричали с непередаваемым отчаянием и с тем содержанием, что вот как можно сердцу снесть: видел былое, видеть то, что есть? На это отвечали немедленно со спокойствием и несколько даже с утомлением в голосе в том ключе, что какой тоской душа ни сражена, быть стойким заставляют времена. Из той же двери, откуда совсем недавно вывалились двое, неловко пятился и потно блестел тонзурой, прикрывая за собой дверь под табличкой «А. А. КАТАРСИС», невыносимо долговязый сутулый мужчина с потертым томиком под мышкой, в некоем тихом умиротворении и вроде бы даже не без понимающей улыбки бормотавший что-то про окончание всяческих споров и упавший топор. Позади его щуплых статей можно было успеть разглядеть в полутемном помещении что-то такое, от чего оставалось впечатление раскиданных по кафельному полу выжатых стручков зубной пасты. Там в очереди гладких светлых умывальников занимали свое место полотна в стальных рамах, не то сам Нитхардт, не то даже Брейгель Старший, словом, сплошь один Босх Хиероним.

Он сделал пару предусмотрительных шагов.

Очертания кабинета тонули во мраке. Вполне отчетливо различался лишь мужчина в носках, при галстукке, белой рубашке и черных брюках, чуть, по-видимому, тесноватых в поясничной области и самой широкой части бедер. Мужчина, сутулясь, с дипломатичным выражением стоял прямо в светлом желтом квадрате у распахнутого настееж холодильника. Неприветливое сомнамбулическое лицо было ярко освещено. На приоткрытой полированной под дуб двери скромно висела табличка «Приемная». Откуда-то с полу все время тянуло холодом.

Он медленно, скрипя половицей, ступил на порог. Видно было, что сейчас не ко времени, но вот что оставалось непонятным, так это куда сразу делся остальной народ. В приемной стоял только один мужчина и, кроме входной, других дверей как будто не усматривалось. В коридоре вдруг вновь обвалом наступила тишина.

...Тут опять нудно, с грехом пополам и никуда особо не спеша, без всякой видимой надежды на сиюминутный и сокрушительный успех, но в целом все же на более или менее приемлемом кандидатском уровне приканчивали доклад. Ожидалось, трактат будет носить до некоторой степени характер серьезного социологического исследования, но докладчик и сам уже, кажется, в это не верил. Подзаголовок доклада был: «О некоторых свойствах реальности в свете нового положения индетерминатива и парадоксальности как принципа мироощущения...» За бледнополированной косой стойкой облакачивался невысокий коренастый человек весьма крепкого сложения в скромном поношенном свитере, средних лет, с чрезвычайно жесткими, мужественными чертами лица и железным взглядом неподвижных умных глаз. «Его никто не видит, но он пришел как общий исход...»

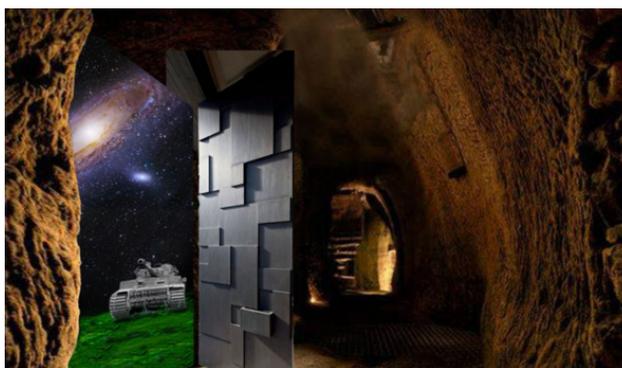
По большей части глядя все-таки в его сторону, явно и справедливо предполагая именно отсюда возможные неприятности, бросая взгляд вначале непосредственно перед собой, на узенькую планочку заградительного ограждения подставки и на побитую вкруг всего этого поверхность полировки, говоривший затем уже естественно и как бы мимолетно опускал глаза на стандартные листки бумаги, сокрытые от досужих взоров под локтем, чтобы потом вновь непринужденно и чуточку рассеянно, невзначай, обратиться глазами теперь уже к завесам на окнах.

Он с многозначительным опозданием отправлял в том же направлении лицо профессионального умницы – сдержанное, понимающее, в меру собранное в неподкупные складки и щели – и снова в глубокой задумчивости возвращал себя к внемлющей аудитории. Докладчик прилагал заметные усилия с намерением как-то оживить читаемое, повышением интонации и ужесточением вопросительной нагрузки, нечеловеческую наукообразную стилистику: хрипло и с расстановкой, не переставая ковырять пальчиком несущую плоскость опоры, поворачивая голову к дверям, глядя ему прямо в глаза пристально и вдумчиво, при этом успевая

словно бы случайно, легко и неожиданно для самого себя перевернуть под собой страничку и обратиться в этот момент уже скорее ко всему присутствию в целом...

Он вынул руку из кармана и остановился.

Справа в темном дверном проеме тут же поднялась с угрожающей поспешностью встревоженная заспанная морда ненормально большого волкодава. Что там особенного позади – было не разобрать, но выше различалось что-то вроде партера, а еще выше – транспарант. Стыдливо вывернутое наизнанку, полотно оставалось непроницаемым. Прямо, из глубокой темноты по коридору дальше было отчетливо попрошено угостить сигареткой. Стараясь не делать резких движений, он двинулся мимо. Чье-то утро заглядывает в двери унылых душ, предупредили позади. Утро нерешительно. Будьте бдительны.

Тяжелый казематно-подвальный дух и тишину сменило предчувствие чего-то неизбежного. Бетонный потолок стал ниже. За дверью слева вдруг что-то упало, с грохотом покатилося, там задвигались, шумно и весело, суетясь, осыпая многовесно и дрябло шрапнелью суматошных отзвуков мегатонные угрюмые члены монастырских сводов, дверь на секунду приоткрылась, и показался встрепанный полуголый отрок в брезентовом фартуке. Отрок прижимался щекой к холодным камням пола молча и терпеливо, со взглядом стойким, даже упрямым, заранее готовым к любому следующему повороту событий. Этот непреклонный взгляд устремлялся вдоль шербоатой поверхности порога, забрызганного чем-то свежим, за дверь. Дверь, скрежеща, вновь сошлась с железом стены, и за ней тотчас учащенно задышали, бормоча торопливо и сдавленно, по нарастающей, шурша, ненадолго прерываясь – и тогда начинали греметь инструментом. Дверь распахнулась снова, и оттуда незамедлительно катапультировался, чуть не к самому полу прижимаясь тщедушными ключицами, взъерошенный отрок. Явно опасаясь не успеть, он сразу же поспешил взять хороший разбег, в конце концов слившись с темнотой. Послышался железный лай и лязганье разлетающейся по полу тары.

В ту же минуту мимо двери, раскачивая поясницами и наступая друг другу на пятки, в том же направлении с топотом понесли какой-то стандартный, удлиненной формы и, как это сейчас виделось, мало приспособленный к оживленной транспортировке цинковый контейнер. Какое-то время из-за поворота еще доносился рабочий гвалт, кашель и дробный стук тяжелой походной обуви, затем все стихло.

В безлюдный коридор вышел, дыша, взмокший и заметно расстроенный широкогрудый мужчина с папироской в зубах, в просторном брезентовом фартуке на голое матерое тело. Сжимая в темных грубых ладонях коробку спичек и потея, мужчина ссутулился, прикуривая с порога, помахал, разгоняя дым, кистью у бедра и задумался. Из-под налитой напряжением крепкой мужественной руки к полу ушла пара натруженных капель. С-сука, сквозь зубы произнес вышедший, остывая. Естествоиспытатель... Мужчина сильно затынулся, опустив глаза. Паскуда. Ученю надобны терпеливые и усидчивые, говорит... Что мыслишь, говорю, м-мать, неученье ли? Тьма, говорит. Верно, говорю, ученье свет...

Он затянулся еще раз, посмотрел на папироску, поправляя седой кончик мизинцем, и поднял к собеседнику доверительное открытое лицо,

– Н-ну молодец, говорю, тогда!.. Насекомологу надобно различать. Умен ли, спрашиваю. Учусь, отвечает. Учись, говорю, дураком же умрешь. Что слышишь? Жужжат, говорит. Верно, говорю, мухи... Пошто – мухи? Матерь-природа наша – дура ли? Летают, отвечает. Правильно, летают. Поскольку есть у них к тому опыт, навыки и умения. Так о чем же, теплоход ты не объезженный, надлежит эмпиристу и диалектику мыслить в первую очередь? Красное смещение, говорит. Для наглядности. Красное полотенце. Большое. На нем муха. По Доплеру, объект перемещается как вдоль, так и поперек, короткими перебежками – по ухабистым жестковолосым вонючим завалинкам. Ускорение перемещений остается всегда строго постоянным. Вот она – муха то есть, объект, бежит-бежит, вновь замирает, и когда мы все уже ожидаем от нее, что она продолжит предначертанный путь свой, она неожиданно для всех подбирает свои ступалища, подгибает их, затем распрямляет упруго, вознося тело свое высоко вверх и опираясь о воздух крыльными отростками подобно тому, как мы опираемся о землю ногами. И в сей же момент мы задаемся вопросом: так чем же она, непредсказуемая, руководствуется, изменяя плоскость перемещений?..

Мужчина сдержал себя, опуская взгляд, задавил двумя пальцами огонек папироски. Прищурясь, поплевал на пальцы, растер, изменяясь в лице, затем сунул бычок в спичечный коробок. Теперь он глядел на слушателя совсем другими глазами.

– Слушаю вас, – сказал он сухим неприятным голосом. – Но лучше после обеда. Или даже завтра.

Да, сказал он. Конечно, Лучше будет в другой раз...

...там в дальнем углу, закатывая глаза, охал и ахал еще один, стена и причитая, тихо проклиная и прошедшую ночь, и сволочей-друзей, которым на следующий день не на работу. Он вздыхал, как вздыхают по навсегда потерянной жизни, одной рукой грузно наваливаясь на соломенную циновку под собой, на коей некогда безуспешно пробовал отойти ко сну, другой бессильно шаря по обнаженному участку груди со спутанным волосом, что бесстыдно торчал из-под перекрученной майки. «Что тут у тебя с ушами, милорд?» – глухо и неприязненно осведомились за стенкой. «Вот... Вроде бы читали Тестена. Изволили много говорить, задели нос...» «Сюда, если не затруднит», – перебил другой голос. Шуршание, тихое и непонятное до той минуты, стало громче. «Совсем уже было уклонились сделать чуть заметный гешефт, однако против ожиданий получилось нечто вроде готского тинга». «К стенке!.. Ставьте же к стенке, наконец...» За стеной послышалось искательное полое шарканье и нашаривание, словно кем-то в темноте предпринималась мучительная попытка попасть вилкой в розетку. Пауза и полузадушенный смех. Шаги, странный, не очень внятный звук, напоминающий усиленное мегафоном цыканье зубом и неторопливое движение усеченной спички. Шумное почесывание обветренных подбородков. Звяканье граненого стекла. «Р-рекомендую. Мужчина вашей мечты...»

Мужчина в углу ожил снова, шурша соломой. Он выглядел как живое воплощение несчастья, томясь, страдая одновременно и от жажды и от холода, ему действительно было плохо, в потрескавшемся от древней сухости сознании он прикидывал расстояние до ближайшего туалета и тихо приходил в отчаяние.

– Ой, ну что же это так тяжело, а... – вскричал он расстроено, не совладав с не поддающимися описанию болью и тоской в голосе, поводя дебелим рыхлым плечом. В тревоге, в болезненном внимании прислушиваясь к ощущениям, мужчина наблюдал, плохо понимая, изголовье своего ложа, словно и шляпа на бетонном полу, и неопределенной масти разношенные носки в ней были с чужого плеча. Он обратился помыслами к дверям. – Ну что же это вы там стоите над душой тоже... не проходите... – ностальгически произнес он. – Что у вас там в чистой руке? Я ожидаю же...

Он с упреком и печалью смотрел так некоторое время, играя плечом, затем изогнулся, титаническим усилием воли все-таки заставил себя перенести вес тела вперед и приподнять поясницу, придерживаясь за шершавую казематную стенку с таким видом, будто при первых же признаках суставного расчленения был готов занять исходное положение; приблизился, шаркая тапками, к столу, с глубоким сомнением опробовал ладонью местоположение табурета, со многими предосторожностями погрузился и неожиданно заорал, накаляясь:

– Почему до сих пор, без доклада, секретаря-советника ко мне, я из него всю душу вытрясу... – «мерзавца» добавил он уже скорее для себя и для внутреннего пользования, чем для информации к исполнению.

Мужчина вновь повернулся было к дверям, опустил глаза, внезапно соскучившись, невесело провел суровой ладонью по доскам огромного стола и ссутулился больше прежнего.

«Счастье пошло по рукам, сказал он, – произнес вдруг мужчина, с горечью разглядывая свою ладонь. – Счастье было понято, поднято на руки, взято под руки и пошло по рукам...»

Что-то тут опять было не так и не в тему. В коридоре все оставалось прежним, ничего здесь не могло меняться, однако чего-то как будто не хватало. Покоя, вот чего теперь не хватало обонянию, прежнего покоя и обычного хладнокровия. Несло проклятым запахом одеколona, происходило некое строго санкционированное движение, за спиной зашуршала одежда, вслед за чем затылок ощутил легкий нетерпеливо-начальственный толчок ладонью. Это было не сильно, но чувствительно и довольно неприятно.

Он посмотрел через плечо, заранее стискивая челюсти и прищуриваясь, напрягаясь лицом, – однако неожиданно промахнулся взглядом, проваливаясь в пустоту пространства, поскольку стоявший за спиной оказался значительно ниже поля его зрения. Человек глядел на него со сдержанностью, с привычным утомлением своим положением, заслуженным уважением и космическим всезнанием практически по всем основным аспектам бытия, сверху вниз, вместе с тем, однако, не без некоторой, далеко скрытой в глазах готовности отпрянуть назад. «Это декан, – предупредительно шепнули на ухо. – Руку будет лучше вынуть из кармана...» Показалось, как будто где-то целиком выключили все дополнительное освещение.

Ощутимо тянуло холодом. Это надолго. Сейчас здесь будет очень тихо и работоспособно, недобро пообещал чей-то голос.

Смотреть, собственно, тут было не на что, он сделал последний шаг за пределы освещенного прямоугольника, ступив в тень, уже забывая обо всем этом и обо всем остальном, постороннем или пришедшемся к случаю, оторвал ладонь от стены, в очередной раз поворачивая голову на шум, и увидел, как прямо на него со всех ног мчится маленький плачущий мальчуган в коротких штанишках с чем-то таким, что больше всего напоминало здоровенное ребристое колесо. Колесо вихлялось из-стороны в сторону, подгоняя мальчишку, догоняя и отставая.

Вынув руку из кармана, он повернулся и, пригнувшись, со всех ног бросился по коридору, далеко вперед выбрасывая пятки и почти не разбирая дороги. Разом сошлись, тесно надвинулись, нависли тут же отовсюду тугие черные стены, замелькали, сливаясь в одну и теряя очертания, двери, множество дверей, зияющие жерла тоннелей, ребра лестниц, хлестнул, заставляя пригнуться ниже, ударил по лицу рвущийся багровый факельный отсвет, оставляя после себя на глазах след кровавый и долгий, горячий, подкопченный; он ничего не слышал, кроме собственного дыхания, мелькали не оформившимися тенями какие-то размытые бледные личности, проносились больничные халаты, пиджаки, хватающие воздух руки, его провожали встревоженные лица, его пытались догнать, взять на бордаж, использовать, но вскоре он оказался в полосе мерно бегущих трусцой людей и остался в одиночестве. Пару раз он едва не налетел на аккуратно и дипломатично одетые фигуры у плотно прикрытых дверей, пару раз его хотели ухватить за рукав, но он только отмахивался, выравнивая шаг и выправляя дыхание, мимолетно касаясь рукой чужих спин и плеч, шлепал по протянутым ладоням и старался улыбаться как можно приятнее: «Потом, потом...»

– ... Принцип Реди, господа, – восклицал докладчик, щипля себе мочку уха, широко расставив ноги и нависая над слушателями. – А как же принцип Реди, мм?.. Принцип же все-таки. Аксиома. Устаревшая, правда. Как?.. И потом: необходимо в рабочем порядке закрыть хотя бы вопрос о «смысле жизни». Все мы – солдаты антиэнтропийных сил. Впрочем, нет, наверное, все-таки не все... Но, полагаю, никто не станет здесь возражать, если скажу, что конечной идеей, по крайней мере, своей жизни многие готовы увидеть счастье. Но что есть такое счастье, *друзья мои*? Несвоевременное извлечение удовольствий из возможно большего количества влечений. Регрессия восторга, в общем. Сила же влечения зависит, как известно, от величины сопротивления ему – и чем сильнее влечение, тем больше удовольствий обещает принести его удовлетворение. И, следуя дальше этой логике, чем больше удовлетворенных в рассматриваемый отрезок времени влечений, тем определеннее ощущение пресловутого счастья. Таким образом, суть задачи будет состоять в открытии все новых и новых влечений и, если это необходимо, искусственном их создании...

Он по привычке посмотрел по сторонам, потом постоял, медленно поглаживая пальцем переносицу, оценивая последовательность вступительных слов и подбирая нужную нить. Сумрачный коридор безмолвствовал. Никого в этой части не было. Лежали на каменных плитах уходящего вдаль пола длинные трещины и оброненный, некогда раздавленный старый окурок. Сейчас имело смысл собраться с мыслями и выглядеть как никогда естественно. Здесь сидели на горшке. Он извинился, решительно пригладил ладонью волосы и взялся за ручку следующей двери.

«... тут же все вместе, разом вскричали громким шепотом в несколько глоток, которые перекрыл спокойный мужской голос, попросивший глядеть под ноги и дать пройти. На него сразу же зашикали, и установилась было наконец полная ждущая тишина, но тут ближе к краю людского скопления возникло движение, там посоветовали лучше перестать хихикать и отдать шарф, и кто-то приторным голоском, бархатно растягивая гласные, объявил во всеуслышание: «Знает дед и знает баба, этот дрын от баобаба». Народ загудел снова, в центре откашлялись и попросили слова, но его никто не слушал. Сравнительно с передовыми позициями, здесь было заметно оживленнее, однако никто почти не говорил, и только в тылах, поминутно давясь от смеха и разгоняя кистью сигаретный дым, некто в медицинском халате рассказывал смешное: там все сплошь были без головных уборов, пиджаков и штандартов. Собрание явно и давно скучало.

«Нужно сказать, позволили себе чуточку вольностей в обращении с мыслями своими и других...» Кто-то, будучи не в силах более сдерживать себя, со стоном зевнул. Все стояли явно давно. Сдержанный гогот и кашель. Непристойный смех. Бархатное: «Мягше, братец, мягше...» «Нет, милорд, ты погоди, ты не лезь сейчас, ладно, ты не один тут такой, люди вот тоже стоят, до тебя после дойдут и вспомнят». «Физиогномисты, говорят. Умное лицо, иди. Можно идти. А у вас что-то с лицом, голубчик, говорят... то есть это не они говорят, но видно же, что – рыло...» Некто во всем черном, удобно разместив локти на плечах впереди стоящего товарища и покойно опустив на них блеклое осунувшееся лицо, разглядывал в промежутках меж голов то, что было дальше. Дальше не было ничего, кроме тяжелой на вид двери. И все смотрели на нее.

И не дверь даже, а скорее аллегория на тему запертой раз и навсегда полупоходной лесной Двери. Служебного входа в преисподнюю. Врат ада. Врат, склонных к кочевому образу жизни, добросовестно и бесстыдно декорированных под обыденную дверь нужника.

От декоративности, однако, тут было не много, дверь явно пользовались, – правда, давно, очень давно и не слишком охотно. Во всяком случае, если исходить из контекста ситуации. Все исходило из контекста ситуации и никуда уходить не торопились. Они не то чтобы на что-то надеялись, уйти от этой двери было не так просто. Не говоря о том, что идти тут больше было некуда. Как раз возле голого, одиноко торчащего под небом косяка, подпирая,

какая-то бесцветная личность все с тем же скучающим видом рассеянно созерцала, сложа руки на груди, унылое пустое пространство поверх скопления голов, время от времени, как бы вдруг утомясь, подаваясь вперед и прикивая плотным задом к стертому косяку.

Совсем было уже наметившийся период общего внимания оказался вновь сокрушен спорадическим периферийным шевелением и замечаниями по поводу обещанного солнцестояния, которые вылились в новый приступ кашля и душевного брожения; здесь держали ладони под мышками, молчали, глядели вверх, зло усмехались, подбирали сопли, убежденно гнусавили – все вместе это сильно напоминало преддверие дня открытых дверей. Птиц было не слышно и не видно. Зависнув, пара какой-то необыкновенно крупной особи черной мухи мрачно озираала окрестности, высматривая, к чему бы прислониться. Впереди, насколько хватало глаз, стыли головы людей. Деревья за ними уже не просматривались.

Достаточно темная сторона дня.

Шуршание камушков.

Скудное освещение и мрачная перспектива удачно дополняли доисторическую отчужденность сюжета, иносказательность и простота обстановки только выигрывали. Этот одинокий ни к селу ни к городу торчавший прямо под синим небом на пологом пригорке перекошенный деревянный косяк и рассохшаяся черного дерева наглухо запертая Дверь выглядели так, словно были тут единственными предметами обихода реальности: все остальное, включая и синее невозмутимое небо, и неподвижный лес с запахом горьких трав, казались лишь условием, необходимым и оговоренным дополнением к деревянному Косяку. Это выглядело как минимум странно.

Ничего там дальше, за этим перекошенным косяком не было, если не считать леса и далекого горизонта, не было даже обязательного в подобных случаях утоптанного истертого крылечка, не говоря уже обо всем остальном. Он просто был, стоял в траве, как стоит всякий достаточно ровно поставленный дверной косяк, словно стоял тут всегда. Внимание еще на секунду удерживало в поле зрения поваленный прямо здесь же абзац с начертанным мелом похабством, но взор затем все равно возвращался к лукавому чертику изголовья (или к чему-то, что напоминало лукавого чертика), где было посвободнее глазам и не так знобило.

Замысел устроителей был реализован великолепно: по обследовании прилегающей экспозиции крепко сильнейшее сомнение, открывалась ли *Дверь* вообще когда-нибудь. Чертика венчали сложенные в неясный кубик Меандра такие же абстрактные небесные кубики. Кубики терялись на недостижимой высоте, в иссинне-голубой неопределенности. Еще ниже и на отшибе проглядывало что-то там такое полустертое, безликое, не вполне уместное, отдаленно напоминавшее изжеванное временем, безжалостное в лучшую бытность свою оглавление хорошей книги, на котором теперь от руки небрежно было начеркано: «...Память человечества» и «... концепция: Будущее» – и дальше размашисто, крупными буквами, тоже от руки, так чтобы стало наконец видно издалика: «...упа *НЕТ* и *НЕ* будет». Чего нет и чего не будет – понять было уже нельзя, надпись была совсем вытертой. Все вместе это естественно и невинно сменялось прозрачно-сырообразным ломтем луны: на ее голубоватом фоне еще суетно шныряли неутомимые вампирусы, которым в действительности давно была уже пора спать.

У Косяка, возле отсутствующего крылечка с видом крайней степени утомленности в жестах и на породистом профиле возник сдержанно жующий широкобедрый господин без пиджака. По его широкому лицу все сразу понимали, что размышлять ему в настоящий момент приходилось о чем-то привычном и, вместе с тем, наболевшем, глубоко трагичном по своему содержанию, отвязаться от чего он уже отчаялся. Слегка прикрывая веками успокоенные глаза, измученный неблагоприятным течением обстоятельств представитель какое-то время с болезненным выражением обозревал представший его взору ландшафт, и то, что он наблюдал, видимо, не сулило ему перспектив.

Если бы не вид нескольких исполинских изъеденных теньями глыб, возвышавшихся неподалеку на манер гранитных фигур острова Пасхи, можно было подумать, что затруднения здесь носят временный характер и что в конце концов всё счастливо разрешится. Эти искусственные образования портили весь вид, выглядело так, что сюжет так же ветх и несдвигаем, как те несколько сутулых мрачных ужасов на окраине. Впрочем, все словно брали с них пример, терпеливо ожидая неизвестно чего.

Дальше торчала пара вросших в землю камней. Запутавшиеся в деревьях исполинские обработанные куски гранита накрывал третий, такой же плоский, многотонный и эпический. За ними стояло несколько таких же трилитов. Это явно был Стоунхендж или его грубая угрюмая копия.

Хоругви были тоже. Кто-то сосредоточенно хлопал в ладоши, к чему-то напряженно прислушивался, ожесточенно сплевывал промеж ладоней, шептал, хлопал еще раз и снова к чему-то прислушивался. Кем-то с неподдельной тревогой – достаточно ли хорошо то заметно на общем фоне? – поправлялось двумя пальцами на животе некое странное перекрестье на стальной цепи. Аналогичные перекрестья поправлялись, но без особого успеха, и дальше по передовым рядам тугих животов, поясов, рук и грудей, с различной степенью нарушений причинно-следственных связей и последствий для окружающей среды, – и только бегающие влажные зрачки, сопровождавшие, когда это было возможно, вещицу в ее эволюциях, оставались одними и теми же, полными отражений дверей и требовательной любви.

Кто-то сосредоточенно изучал, поддерживая обеими руками и шевеля слипшимися губами, припухлый томик – и просил одного; кто-то в очередной раз просматривал (не без видимого удовольствия) ежемесячное собрание гороскопов, и ожидал того же. Третий ничего не просил, глядя перед собой, прищурившись, как на яркий свет, бьющий в застекленное прорезиненное окошко лазерного прицела, но должен был кончить тем же.

...Некоторое оживление в народе и сонном стане мух вызвал какой-то совсем посторонний мрачный субъект в сильно подсухшем и умятом пиджачке. Скорбно поджав губы, ни на кого не глядя и, более того, словно никого тут вокруг не видя, мужчина протиснулся вначале мимо на целую минуту притихшего собрания, затем мимо снулого мздоимца возле самого Порога и дальше, в едва скрипнувшую за ним створку Косяка. Толпа загудела с новой силой.

В выражениях больше не стеснялись.

Дверь закрылась, и мрачный субъект остался за порогом видимости.

Мздоимца у Косяка качнуло в очередной раз, он без видимой охоты переместил скучающий взгляд на людское скопление перед собой, но сразу же возвратился к посиневшим небесам, как бы оберегая зрение, как бы боясь испачкать. Он сосредоточился, всмотрелся во что-то пристальнее и, скуласто напрягшись, страстно зевнул, ненадолго отделяя поясницу от Косяка, освобождая карман от руки и деликатно прикрывая губы пальцами. Под сенью развесистых крон уже кто-то стоял, исходя соками всезнания, отведя в сторону мизинец, держа перед собой на весу граненый стакан. «А что, отцы, – осведомился богохульный силуэт, проницательно взглядываясь в молчаливые невнятные лица, – *здоровее будем?*..

Костюмчик очередного абитуриента оказался не столь вызывающе скромн, как у его предшественника, однако его обладатель оказался еще более мрачен и снизошел в круг света с той же стороны. Создавалось впечатление, Дверь вообще способна была работать лишь в одном направлении и на каких-то одних заранее оговоренных условиях.

Что-то не все слава богу было с пропускным режимом и здравым смыслом. Передние ряды со всевозрастающим беспокойством проводили посетителя взглядами до самых створок Косяка и в нехороших предчувствиях все вместе развернули головы к странному исходу вновь в ожидании, что произойдет что-то еще. И там, в самом деле, уже шуршала трава и проглядывал неуместный отсвет бледной луны сквозь черные плетя деревья. Но только смотрели

они все туда зря, нечего им было туда паяться, поскольку вынужден был маячить и шуршать травой там уже я, шепча, тихо ругаясь и путаясь во влажной от росы траве. Мне как раз сейчас меньше всего было до них, до их поджатых губ и осуждающих взглядов, некогда – да и далеко было, слишком далеко.

Если бы не этот вереск и не увлажненный росой порог, я и представить бы не смог, чем все кончится. Еще бы вот только чужие ненормально длинные тени иных звездных скоплений не лезли под ноги, торопясь улечься и все усложнить.

Толпа со злобным ожиданием ревниво следила, как я выбираюсь под открытое небо, с предписанными в такого рода делах непроницаемостью и мрачным выражением минуя болванов Пасхи и трилиты сооружений Стоунхендж, как минуя низко вбитые в траву колышки с натянутыми волчьими зубчиками, как пробираюсь мимо собравшихся, мимо Двери и, в рабочем порядке откашлявшись в кулак и поправив чуть приспущенный узкий галстук, пристраиваюсь неподалеку от невзрачного мужичка, задремавшего прямо в сени древних деревьев, пристраиваюсь тоже – посмотреть. Смотреть было на что.

Господин на пороге закрытых Дверей, ностальгически морщась, постоял так с минуту, неопределенно озираясь и перекатываясь с пятки на носок и обратно, утомясь, окинул всепонимающим пронизательным взором аудиторию еще раз, убрал руки за спину и, то и дело привставая на цыпочки и надсаживаясь, закатывая глаза и употребляя челюсть в качестве указателя, принялся делать сообщение; он, казалось, стремился донести наконец до сознания слушателей некое обстоятельство, очевидно, представлявшееся ему как нечто само собой разумеющееся, которое же, однако, присутствие по какой-то не вполне понятной еще причине упорно не желало принимать во внимание. Докладчик, по всей видимости, являлся уже народу не впервые, прежний опыт оказался малоутешительным, и он сам уже не очень верил в благоприятный исход предприятия. Что он говорил – разобрать было отсюда трудно, только вскоре толпе, видимо, надоело стоять на одном месте, она угрюмо зашевелилась, неохотно загалдела и предприняла попытку сбиться плотнее. Поступило сдержанное расстоянием предложение слезать с бочки.

Народ все также неинтересно глядел, чесал подбородки, апатично темнея штандартами и коченея лицами религиозного содержания. Поначалу я даже немножко удивлялся про себя, отчего это толпа сама на себя не похожа. Толпа была на редкость смиренная. Дружелюбна и как-то тиха, покладисто выглядывая из-за плеч, шаркая, благосклонно посматривая на пару разбитых лиц из числа ближайшего окружения. Но потом быстро стало ясно, что дело было во мздоимце у перекошенного Косяка.

Когда в крайнем ряду, устав, видимо, уже нависать и хрипло орать над редкими заградительными флажочками, кто-то, наконец, плюнул, прервавшись, чтобы сейчас же самым решительным образом начать перебираться через завесь волчьих зубчиков, мздоимец с перекинутым через плечо ремешком, ни на секунду не утратив скучающего вида, опустил глаза на простертое перед ним поле голов, как-то не очень понятно подвигал губами и мышцами лица, не то переживая в этот момент неудобство в полости носа, не то доставая что-то меж зубов, и уперся рукой себе в пояс, выставляя на свет хорошо, по всему, уже знакомый тут всем малогабаритный инструмент, приосанясь с ответным недвусмысленным намерением воспользоваться правами. В инструменте я с удивлением узнал крайне компактный, почти карманный очень специальный автоматик-«кофемолку» при длиннющей коробке боезапаса и чудовищном, едва ли не втрое большем против остальных размеров, табельном цилиндре глушителя. Вороненый гладкий инструмент бодро поблескивал на свету, не оставляя никаких сомнений в отношении своей боеспособности.

Измятый мужчина подо мной – под деревом, в смысле, внезапно обеспокоился, задышал глубже, елозя лопатками и устраиваясь удобнее, я тронул его за рукав, теряясь в догадках и строя предположения: заметно было, что он только со сна и снилось ему не совсем то, что

ему хотелось бы. «Грабли...» – утершись узловатой крепкой пятерней, сумрачно обронил он в пространство, не поднимая глаз. Отстранившись от цеплявшейся сзади коры, он подпернул рубашку. Теперь его измученный сном взор был прикован к собравшимся за моей спиной. «Ну, чего, мужик... – недовольно произнес он, сильно налегая на подтекст согласных, недобро раздувая ноздри и упорно пряча глаза в сторону. – Эта... грабли, говорю, убери, значит, если дороги...»

Тут его внимание отвлекло что-то, да так, что даже немножко приподнялись густые кустики бровей, он снова умолк, невольным движением отослав руку к пиджаку, лежавшему рядом. Присутствие на подступах к лесному покрытому вереском пригорку вполголоса гудела. Отчетливо попросили перестать хихикать и дать выйти. «Уже все, – сказал я, насколько получилось, дружелюбно. – Не стоит волноваться. Надолго тут эта пандемия?»

В глазах собеседника что-то такое дрогнуло непонятное, он утерся повторно, переместился взглядом на воротничок моей белой выходной чистенькой рубашки с откровенно припущенным узким галстуком, оглядел – сверху вниз, без интереса, не мигая и не встречаясь глазами, однако, вместе с тем, словно бы не без тени легкого недоумения по поводу открытых рук, коротких рукавов и отсутствия какого бы то ни было намека на наличие поблизости пиджака, снятого и брошенного до времени, – после чего поднялся и, шатаясь, тихо ругаясь, на ходу нашаривая и теряя ладонью рукав пиджака, пошел прочь, минуя Дверь, пригорок, толпу и дальше – во вне...»

Сидя на холодном полу опостылевшего коридора, с локтями на коленях, прижав уставший затылок к стене и закрыв глаза, я старался ни о чем не думать, сидел, просто слушая тишину, пытаясь ненадолго хотя бы уйти на дно теплой темной трясины, безмолвной звездной ночи моего сознания. Эта часть пространственно-временного континуума была необитаемой.

В глубокой полутьме, где-то возле створок лифта горел, ожидая, красный немигающий глаз, но туда сейчас не хотелось. Лифты здесь обнаруживали склонность либо бездействовать, либо действовали по каким-то своим, подчас небезопасным для постороннего и недоступным пониманию непосвященного, апокрифическим программам. Черда незаконченных проемов в стене, уверенная в себе и моей глупости длинная шеренга навсегда застывших во времени распахнутых в пустоту кабин выглядела так, словно тут не ступала нога человека. Стены и каменные плиты пола их дополняли, вгоняя в депрессию. В гулком полумраке где-то дальше, в нехорошей тишине возник, захлебываясь от дурных предчувствий, и пошел гулять и гукать чей-то неживой, далекий взволнованный голос: «Кто здесь?.. Кто здесь?..» Не было никакого желания разбираться в этом хитросплетении каменных полов и кабинетов, лестниц и коридоров, в этом будничном нагромождении времен, совершенно диких этажей и отживающих свой век, одетых в дорогую кожу, временных, пугающих, прозрачных, порочных, будящих холодную ненависть, фешенебельных, заплеванных, беспризорных, пользующихся плохой репутацией и сумасшедшей популярностью, не от мира сего, безвестных, бесстыдных, в чем-то излишне скромных, крикливых и неприступных, с высоким рейтингом покупаемости и надменных, нездоровых, исполненных естественного презрения ко всему, пуленепробиваемых, многообещающих, обещающих даже слишком много и ничего взамен не отдающих, подавленных, приватных, проклятых и подавляющих волю, предлагающих выпить и переспать, обходительных и чуть высокомерных, праздных, благородных, явно эпикурействующих, безликих, увечных, грязных, анизотропного действия, со следами обуви на беззащитном лице, безусловно охраняемых, капризных, прошмондовствующих, непоправимо страшных, безвольных, четко разбирающихся в людях, самоироничных, настырных в своих начинаниях, оскопленных, расхлябанных, расхлюстанных, самодовольных, предупреждающих и предупредительных, запрещающих, непроходимо деревянных, аскетичных, негостеприимных и выпотрошенных, не раз сжигаемых, но так до конца и не сожженных, продажных, еще чистых,

но уже купленных, потайных, тайных, ютящихся по темным углам и поджидающих за углом, неизменно расходящихся во мнениях, одноразового действия, странствующих, непревзойденных, забрызганных росой, хороших и плохих, бросающих по сторонам задумчиво-похотливые взгляды и одинаковых, как спички, но всегда разных – стройных рядов дверей, исчезающих в бесконечности.

***

ГЛАВА 2. ЛЮБИМЫЙ СТУЛ АМЕНЕМХЕТА

1

На разных уровнях, разных этажах сознания совершалась привычная, будничная работа. Кто-то стучал – и следил за производимым эффектом, кто-то слушал и осторожно шарил в темноте руками, желая знать, где это стучит, то и дело натываясь голыми коленками на остатки непонятого хлама и быстро теряя последние капли терпения, не имевшего привычки к большим перегрузкам: Стена была здесь. Грубо выложенная, с многочисленными сырыми провалами, что угадывались местами в шершавой циничной кладке уголка неведомого здания, притихшего и пустого. Вскормленное на нездоровой пище тщедушное, слабое от рождения и систематического недоедания воображение неохотно ворочалось, недоверчивая ладонь оглаживала камень; в конце концов, мало ли кто там может бродить. И мало ли кто там станет звать, это, может, не отсюда, не из соседнего помещения голоса. Может быть даже, это вообще не голоса. Осторожный оппонент терялся в догадках, спотыкаясь на обратном пути и вновь встречая коленками разношерстный хлам. Это, может, снова последствия собственной душевной неустроенности – вроде желудочного беспокойства. Они же явно не отсюда, наблюдатели недобитые, они же никогда не бывают отсюда. С соседнего этажа, если даже допустить, что это все-таки не желудочная неустроенность, а посторонние голоса... Время шло, на разных уровнях, разных этажах сознания совершалась привычная, будничная работа.

Тишину нарушало мягкое шуршание. Тишина прибирала к рукам звук шагов. Звук шагов удалялся, тишина оставалась, она работала как всегда, молча, все прибирая до крошки, заставляя шорохи искажаться, плескаться, множась, вздрагивать и разбегаться в стороны короткими испуганными кругами. В общем, от этого разговора у меня остался какой-то нехороший осадок. Не разговор, а сплошное идиотски глубокомысленное перестукивание. У меня даже создавалось такое впечатление, что оппонент меня не видел. Это даже не разные помещения одного этажа, разделенные непреодолимой стеной, – просто разные этажи восприятия. Разные этажи, находящиеся в разных зданиях. Не вспоминая уже о том, что сами измерения их ни при каких условиях не смогли бы иметь общих точек соприкосновения. М-да, подумал я. Здесь надо бы поосмотрительнее. Нездоровое какое-то место, темное. Некое смутное и не вполне осознаваемое еще во всем объеме жжение где-то в области правой пятки беспокоило все чаще, и я остановился посмотреть, что это там такое.

По одну сторону всей голой стены тянулись вбитые в кирпичи железные проржавленные кольца, в которых местами кое-где сидели рукояти факелов, коптя низкий потолок и ничего толком не освещая. «*Естуде-э-э-э... – уныло тянул где-то за дверью севший голос. – ...Эй. Ол май троблис симт соу фа-а-руэээээ-э... э... э...*» Голос, поперхнувшись и закашлявшись, ушел куда-то на время, вслед за чем в коридоре зависло неразборчивое бормотание. В сущности, мозоль была совершенно так себе, смотреть было не на что. Она больше кричала о себе, чем заслуживала упоминания, однако прежнее бодрое самочувствие оказалось основательно подорвано. Настроение шевельнулось, дрябло взгромоздилось на новый приступ глухого раздражения и ушло к нулю. Впереди, дальше по коридору полуподвала, в черном шербагом кирпичном провале мажущих закопченных теней и пляшущих кроваво-красных факельных отсветов имелось некое несанкционированное скопление. Неприятные лица здесь все-таки. Нехорошие. Невыспавшиеся лица и неприятное внимание созревших быков, которым на глаза попался не ко времени забредший в стойло турист. Кубические челюсти и одинаковые сосредоточенные морды, одинаковыми взглядами провожающие проходимца. Настоящие мужчины. Могучие яйценосы. Кажется я у них также не вызывал особого сочувствия. Связываться сейчас не хотелось. Чуть поодаль мясистый половозрелый сударь с нетрезвой координацией движений, со стойкой неизменностью сохраняя на лице подчеркнуто трагическое выражение, в какой-то мрачной решимости прижимал охватистыми дланями к своей груди какого-то про-

хожего за податливые щуплые плечи. Абитуриент не переставал слабо отпихиваться и затравленно озираться по всему периметру коридора. «Всё отлична, бр-рат...» – с исключительной болью и теплотой в голосе повторял мужчина собеседнику, порывавшемуся все время не то что-то возразить, не то присесть. Выглядело так, что во взглядах имелись расхождения и шаги к их преодолению делались лишь с одной стороны. Шаркали подошвы, с треском соприкасались головы, парализовано перебирались по полу ноги. Здесь веяло невыразимыми безысходностью и дружелюбием. «Хорошо шагает, широко... – одобрительно заметил один бык с прижатыми сломанными ушами другому, с обнаженными круглыми вислыми плечами и раздавленным носом. – Не идет – пишет. Спортивная походка. Боксер, наверное. Я тоже так хочу...»

Меня вежливо взяли за рукав.

– Братишка, ты боксер?..

Я старался пока не глядеть на здоровые переспелые физиономии, плохо различимые в отсветах факелов.

– Бульдог, – сказал я, попытавшись с ходу преодолеть препятствие. Придерживая дыхание, я сохранял на лице привычное в таких случаях простое скромное выражение. Но это был, видимо, неверный ход. – Можно пройти?

Сделав усилие, я принудил себя остановить взгляд в проеме обстоятельств и добавить бесцветности в голосе. Пустой невыразительный взгляд и бесцветный голос призваны были показать, насколько мало я нуждался в чужих аннотациях. Похоже, это не очень мне удалось.

Руки ломать всем, внезапно подумал я с ненавистью. И чтобы этот повесил свою челюсть на входную дверь, это будет справедливо. Но сейчас, конечно, нужно было не мечтать, а подумать о себе и своем здоровье. Просто удивительно, как меня местная сволочь любит, прямо в лице меняются. И всем чего-то надо. Оставив в покое прежнего собеседника, которого сразу куда-то унесло, очень не спеша подшаркал и встал за спинами третий. Подшаркал, в общем, оглобля немытая, встал за спинами и стоит. изучает то есть. И пока я ловил краем глаза прилегающие окрестности, оглядывался тут потихоньку, прикидывал, значит, что тут у них к чему, присматриваясь к самому квадратному подбородку, как раз успев определить, что до ближайшего поворота бежать не так уж далеко, как сзади вдруг бесцеремонно выдохнули, меня крепко похлопали по плечу, и изумленный комендантский голос в совершеннейшем одурении возопил: «Ты что же это, череп, мне погоду в заведении портишь? Ты, т-твою...»

Я даже додумать до конца не успел, о чем думал, как механизм во мне какой сработал, честное слово. Зря они все-таки тут по плечам хлопают, нехороший знак. Не теряя времени и толком не закончив даже еще разворот, я как бы невзначай, не очень аккуратно, но с силой, как умел, вынес локоть прямо навстречу тому, что стояло над душой и хлопало, дыша чесноком, стараясь достать повыше, просто куда придется. Потом повернулся и от души добавил еще ногой, под ремень. Пришлось крепко. Полегчало значительно. Какое-то время мы все наблюдали, как новый лихоимец совершает на бетонном полу приседающие упражнения. Это было сильно. Но мне чего-то не хватало. То есть я таращился, как в столбняке, с каким-то стесненным, беспокойным чувством прислушиваясь к тревожным сигналам, шедшим откуда-то из глубин моего сознания, плясавшего танец живота, словно вот я только что должен был наконец совершить нечто важное, чрезвычайно полезное, нужное, и для меня лично, и для эволюционного развития, нечто, обещавшее долгожданные изменения к лучшему, – и не сделал. При полной тишине болезный пахарь, согнувшись пополам, плотно прижимал голые волосатые колени друг к другу, как бы всем сердцем стремясь к ним локтями, начиная медленно-медленно раскрывать черный рот, готовясь заорать.

Вспомнив в конце концов, чего же мне и эволюционному развитию все это время не хватало, я перестал пялиться. Я старался быть кратким. Разворачиваясь назад, я широко, как раз успев подвернуть кулак, от самой пятки с отчетливым треском врезал по наиболее кубической

из представленных здесь сегодня челюстей, после чего, нигде не задерживаясь, во весь дух бросился по коридору вперед, далеко перед собой выбрасывая пятки, надеясь успеть первым и успеть в хорошем отрыве.

Я слышал сзади учащенное прерывистое дыхание и дробный топот башмаков, размышляя, куда мы вообще бежим. Сзади шли ровно, по-деловому, там явно знали, что делали, я тоже подстроился под общий ритм. Я здесь вообще не ориентировался, места шли незнакомые, но позади явно ориентировались лучше, я решил пока не торопить события и идти вместе со всеми. Одно время там с грохотом собирали по пути все стулья, которые я сосредоточенно им поставлял, горшки и хрупкий декор тоже летели на пол, с ними не церемонились. Потом начались пересеченная местность и большие неприятности.

Я едва успел свернуть за угол, как над моей головой неторопливо прошел, с орбитальной центростремительностью переворачиваясь в воздухе, темного дерева хороший стул, с хрустом сходясь с косяком и крупно разлетаясь на отдельные фрагменты; провалившись в дверь подвала, налетевшую на меня черным провалом, и с грохотом свалившись со скользких каменных ступенек, я влетел в обжигающе ледяную, смачно вонявшую лужу. Лужа оказалась глубокой и неожиданно просторной, как вид на поздравительной открытке.

Откашлявшись, путем не разобравшись еще, что это такое со мной было, я в одну секунду взял на свое робкое безрассудство мощный спурт и едва не встретился лбом с зубастым краем кирпичной стены; миновал один поворот под космами проводки, корнями свисавшей до самой воды, прошел другой поворот и совсем было уже набрал необходимую скорость в узком, почти неразличимом в темноте коридоре, но передумал, так же быстро вернулся на исходные позиции и, придержав дыхание, осторожно, боком придвинулся к углу, тихо гнившему в обрамлении голых труб. Мне вдруг пришло в голову, что преследователи могут ошибиться тоннелем. Этот вход в подвал, судя по обилию порогов, как будто был не далек от узлового, и рукавов канализации здесь имелось несколько.

По густой, глянцевои, тускло отсвечивавшей поверхности неспешно скользили ко мне ленивые масляные круги. Преследователи изучали возможные пути дальнейшего продвижения. Они оба уже присутствовали, на последней ступеньке каменной лесенки, но спускаться пока не торопились. Один из них сидел на корточках, свесив с мясистых ляжек кисти больших натруженных рук, и задумчиво смотрел в мою сторону. Другой, придерживаясь для равновесия рукой за плечо сидевшего товарища, освободил белую ступню от растерзанного гигантского башмака, напрочь успевшего позабыть что такое шнурки, и теперь осторожно пробовал кончиком большого пальца воду непосредственно у парапета. Вода явно не входила в их планы. Можно было не сомневаться, что с этого момента у входа будет поставлен надежный заслон – надолго и несокрушимо. Я беззвучно засмеялся. Я вам непись собачий, подумал я. На неделю активной жизни можно рассчитывать. Если удастся найти чистую воду.

...То ...сь? ...сь?..?

Шарканье усталых ног. Шаркающий отзвук.

Звон редких капель, пронзающих мертвый горький сумрак.

Влажные, шлепающие, лязгающие голоса вонючей воды, которая и не вода вовсе, – словно бы не здесь и не отсюда. «Спа-ать... – невнятно проблеяли над ухом. – ...ть ...ть...»

«Спаааа-а-а... ть...»

Где-то дальше другой, слабый и дрожащий со сна, сухой голос произнес надтреснуто: «Послушай, дружок, что я тебе сейчас расскажу...» – однако он тут же был перебит кем-то новым, несравнимо более отдаленным и зычным:

Но скажите мне, какие у него цели, – и я скажу вам, какие ему близки средства, и если идти дальше, то получится, что, в конечном счете на выборе целей и средств всегда сидит

окружение, и всякий, кто пытается выбирать, должен рано или поздно смыть, вычеркнуть себя из списка всех живых, просочиться насквозь. Или остаться и стать другим.

...Ммммммммммолоток... к... к...

Нет, мне нравится.

Звон редких капель.

...Кто здесь? Кто здесь?

...Да. Так вот. Он – нестандартно оттесанный камушек в бесконечной череде четко и давно уложенной брусчатки. Ему холодно, ему, бедному, неудобно, пока его не успели еще оттесать как нужно, как это здесь принято. Но он, видимо, все-таки твердый камушек, раз его до сих пор еще не оттесали, как нужно.

Ничего, оттепют еще... Значит – будут лететь искры, значит – будут спотыкаться люди, и задевать шины, и стучать подковы...

Дурачок, спать же! ...спаааа-а-а... ть... ть... Голь замкнутого пространства. Спать как-то никто не соглашался. Только сопели шумно.

Голень шагающих капель.

...к ...Ммммолоток... к... к...

...Понятно, что подковы стучат и на ровной мостовой, но ведь какое различие в тональности и чистоте звуков. А вон уже на горизонте маячат фигуры рабочих, деловито влекущих за собой необходимый тяжелый инструмент, и уже готова подняться вокруг недоразумения суета, и уже явственно рядом натужное сопение: а н-на тебе!.. Чтоб не высывался.

...Сейчас над ними со всей неотвратимостью встает старый вопрос: чего хотеть?

...Да... то... сь? Тось... сь... сь...

А... простите, зовут вас-с?... Изумительно. Да вы проходите, не стесняйтесь... сь, чувствуйте себя ма-ма-ма!..

«Кто здесь?» да «Кто здесь?». Да кто *здесь* может быть?

Я уже слышал это. Тут постоянно это слышно: болото, мол. Будет, мол, болото – будет и все остальное. А что болото, что болото?

...и получается, что все средства, которые были и будут когда-либо использованы, обусловлены исключительно содержанием окружения. Но это неинтересно. Это скучно, в конце концов, интереснее тот, кто должен был уйти и ушел. Это – уже от Мироздания. Это – симптом. Как он живет? – как он будет жить, не может же он, в самом деле, жить в безвоздушном пространстве?..

Звон капель, взрезающих мрак.

2

Низкий бетонный потолок с разводами потеков навис, уходя корнями в темноту, слежавшийся намывной песок под ногами перестал проваливаться. Больше не тянулась вдоль долгих трещин цепкая проволока одеревеневших узловатых сучьев, никогда не видевших света, – притихший коридор разросся чуть не до размеров пустого подземного гаража. Бункера, онемевшего под тяжестью своей глубины и неисчерпаемости. «...Но пиченьку-то мы можем себе позволить на ночь?..» – раздался прямо посреди мертвой тишины убедительный мужской голос с хриплыми интонациями стоического терпения, тут же раздраженно перекрытый несколькими децибелами выше: «Довольно уже было на сегодня пиченок и бумажек!..»

Тихий безлюдный коридор дальше темнел сваями кубических опор, запах тут стоял неожиданно знакомый, как в прихожей реанимационного отделения. Впрочем, нет, не совсем пустой и безлюдный. Тут опять кто-то был, здесь тоже кто-то разговаривал – одиноко топтались, путаясь в белье и недобро прищуриваясь глазами, какие-то понурые, ломкие беспризорные тени на убитых горем синих больничных стенах. Персонал, судя по всему, из дежурной части и их пассия, зажатый в самый дальний угол к сдвоенным стеклянным дверям шуплый мужчина: весьма на вид сердитый, встрепанный, сильно небритый и бледный, в спутавшейся у ног просторной белой рубашке. Мужчина настороженно наблюдал, как двое рослых жердистых молодцов в медицинских халатах и шапочках с тесемками теснили его ближе к дверям, разведя в стороны ладони и стараясь не производить до времени много шума.

– И куда это, интересно, вы собрались? – спросил главврач неприятным голосом, едва появляясь на горизонте событий.

Где-то отчетливо капала вода. Один конец коридора, тонувший во мраке, выглядел так, словно это был конечный пункт для всего живого.

– Учтите, у меня волосатые руки, – предупредил мужчина в нижнем, не спуская недоверчивых глаз с представителей администрации.

Представители администрации явно выигрывали время, не желая торопить события.

– Ничего, – мрачно отозвался главврач, держа ладони на весу чуть не у самого полу, – мы потерпим. Нам назначено.

– Это вам ничего, – сказал мужчина, кладя руку на выкрашенный красным поручень пожарной кайлы, висевшей на стене по соседству. – Это вы сейчас примете горячий душ с мылом и ляжете спать. А мне завтра в шесть вставать.

– Завтра отбоя не будет, – через силу ответил главврач.

– Конечно, – не удержался мужчина от сарказма. – Куда ж это он денется. Вас разве что куда-нибудь денут между делом. ...Я оставлю вас ненадолго, – засобирился вдруг он, озираясь и запахиваясь свободной рукой. – Я замерз тут уже стоять и глядеть глазами.

– Куда же это, интересно, вы сейчас пойдете, – неприятным голосом осведомился врач. – А то б остались до утра?..

– Нет, нет, – сказал мужчина. – И не уговаривайте. Времени почти не осталось, теперь все утро под большим вопросом, сами же говорите.

– Завтра вообще не будет. Теперь всё, будем жить одним днем, обещаю.

– Я слышал уже это. На обещания здесь не скупятся. А то, что вставать все равно придется, вы предпочитаете не вспоминать.

– Мы можем договориться, – произнес главврач сквозь зубы, сделав над собой усилие.

– Вы убьетесь так, – заметил мужчина, словно не слыша, указывая подбородком на ноги главврача. – Бельем же завернетесь. Три раза...

– Я говорю вам, живем одним днем, – настаивал главврач, непослушной рукой пытаясь нащупать и надеть пуговичку на халате. – Хорошо живем. Не будет завтра, отменили.

– А что будет? – без особого интереса спросил мужчина.

– Госпел. Хоральная прелюдия будет.

Мужчина устало покачал головой.

– Врете, – сказал он. – Ну врете же, у вас концы с концами не сходятся. Как вы собираетесь жить одним днем, когда я сам уже стою тут у ваших дверей, собранный в дорогу, что вы мне голову морочите. Куда же вы все остальное денете?

– Судить будем, – убежденно вставил один из дюжих молодцов.

– Что судить? – не понял мужчина, перенося взгляд. – Мое завтрашнее утро?

– Вы это вот что, – внушительно попросил главврач. – Вы от дверей на время отойдите, отойдите от дверей, что же это мы – все в дверях да в дверях, в дверях правды нету...

Слабое влажное эхо, робко просочившись, осторожно шаркнув по стенам и ускакав было, вновь вернулось.

– Сегодня я сделаю все, что ты скажешь, – с отчетливой враждебностью пробормотал мужчина, не двигаясь, впрочем, с места.

– У нас тут все условия для работы и отдыха, – гнул врач свое, – скоро будем жить лучше. Скоро будем жить совсем хорошо. Со дня на день ожидаем прихода равноденствия, вас предельно вежливо попросили вернуться в покои, а что сделали вы?

– Я ответил им простым распространенным предложением, – сказал мужчина спокойно и выжидательно.

– Более того, есть надежные сведения относительно вашего здесь будущего, оно ожидается тут как нельзя более кстати. Вы же ушли, никого не предупредив.

– Случилось так, что вас не было дома.

– Я хотел бы верить вам, но временами я просто перестаю вас понимать. Вы должны чувствовать результаты постоянного внимания, обстоятельства позволяют надеяться на лучшее, тем более, что времени теперь достаточно...

– У меня стойкие позывы на рвоту, – нехотя подтвердил мужчина, отводя глаза.

Врач, сопя, утерся трясущейся ладонью.

– Могу предложить горчичник.

Все какое-то время молчали.

– У вас обе верхние палубы съехали вместе с Бруклинским мостом под углом в девяносто градусов. По Фаренгейту. – Чуть поколебавшись, уточнил мужчина. – В тени. Мне даже представить себе неловко, что вы станете предлагать, когда изведете у себя последний горчичник.

– Перестаньте, все в наших руках. В конце концов, все всегда складывается не так уж плохо. Если сами себя не будем любить, то кто полюбит, о своем будущем надо думать, о...

– Здесь все языки обложены налогом, – не согласился мужчина.

– Беспокоит?

– Ну, а как вы сами думаете?

Врач, не найдясь поначалу, что сказать, несколько томительных мгновений молча смотрел, стекленея лицом.

– Я далек от мысли как-то предупреждать естественные наклонности. Стремление к самовыражению тут кого бы то ни было, – произнес он медленно. – Поймите меня правильно, я не душу вас, не запрягаю, но посудите сами: уже совсем было намечались многообещающие сдвиги, накануне был меморандум по уже самому заболеванию, мы все помним, какой ценой он нам достался, мы помним, что он был, – но его нет, нет... – Главврач выразительно развел ладонями в стороны.

Мужчина невесело осматривался, делая попытку пригладить ладонью метелки волос, непослушно торчащие над ушами во все стороны.

– Я спустил его с лестницы, – ответил он с плохо скрытым удовлетворением. – Самолетиком.

– А постоянный поиск незапертых дверей? – продолжал главврач, делая шагок вперед и перенося центр тяжести на другую ногу. – Была накануне опять же депутация из утвержденных – с самими лучшими намерениями. Теперь нам всем неловко...

– Реформаторы ушли, разбрасывая семя по приемным, – неопределенно произнес мужчина. – У меня до сих пор волосы стоят торчком.

Врач вздохнул.

– Местные обычаи требуют некоторых условностей. Они же настаивают на нашем скорейшем возвращении в покой. Нам всем будет лучше поспешить, храня в сердце своем свежесть и непредсказуемость дня. Пока все самое вкусное не съели.

– А что, – угрюмо осведомился мужчина, – объявлен период сенокоса?

– Давайте придерживаться принципа реальности, – сказал главврач. – Здесь все покои по традиции заперты. Дальше разговоров это не пойдет.

– Аналогия вполне может здесь пройти, – ответил мужчина, не соглашаясь. – Мы все когда-нибудь падем жертвой вашей любви к парадоксам.

– И все-таки мне придется настаивать на отказе вам в разумности. Мне не совсем понятно, причем тут вы. Мне даже страшно подумать, к чему может привести подобная концентрация недоверчивости на единицу площади, до какой степени цинизма мы с вами еще можем пасть, случись (не дай бог) нас в этот час кому-нибудь здесь увидеть.

Мужчина перенес взгляд, как бы сделав над собой усилие, глядя теперь куда-то вдоль по коридору.

– Таково действительное положение вещей, – пробормотал он нехотя. Он больше не смотрел по сторонам.

– Я не хочу сказать ничего плохого, поймите меня правильно, – окрепшим голосом продолжал главврач, со значением прижимая руку к сердцу и делая шаг вперед. – Но вы же дальше утра не хотите ничего видеть. Куда ж вы сейчас пойдете, в таком виде. Вы поглядите на себя, на вас же лица нет. Вас же найти невозможно, то ли вы, понимаете, еще здесь, то ли уже...

– Давайте не будем злоупотреблять моим гостеприимством.

– На это можно посмотреть с другой стороны, – неожиданно легко согласился главврач. – Но некоторое недоумение все равно останется. Не говоря уже о шнурках на обуви отдохавшего персонала администрации, завязанных вами накануне. Которые до сих пор не могут развязать.

– Я действовал решительным образом, – ответил мужчина сухо и непримиримо, но не без следов запоздалой неловкости. – Кто-то залил мне весь стол чернилами.

Он, не двигаясь и кося глазом, уже в течение минуты наблюдал пару осанистых крепких санитаров, что, загорядясь от него простыней, плечо к плечу мелкими шажками продвигались вдоль стены поближе.

– Вы тоже попробуйте на узелок чуточку хорошего клея, – произнес он рекомендующе, дружелюбно мигая, но думая явно о чем-то другом. – В общем так, – сказал он. – Есть хорошие новости с того света...

Главврач его не слушал.

– Вы же могли просто уведомить, как-то сообщить, – хрипло дребезжал он. – Не вынося сора из избы...

– Осуждаете, значит.

– Я не осуждаю вас...

– Да нет, осуждаете.

– Я не могу осуждать вас...

– Не одобряете, значит. Перечите. Я же вижу...

– Да нет, не то чтобы не одобряем...

– А что вы делаете?

– Но вы же могли каким-то образом шепнуть мне между делом на ушко, покидая нас, предупредить, что ли...

– Я и предупредил. Неоднократно ставил в известность, что работать приходится в исключительно сложных условиях, отмываться каждый раз становится все труднее...

– Да, и я сказал, что посмотрю, что можно сделать...

– При этом, однако, ваше лицо осталось невозмутимым, – заметил мужчина, переводя взгляд на главврача. Веко на правом глазу у него начало нехорошо подергиваться.

– Только не пытайтесь уверить меня, что вы сами оказались здесь из одного уважения к своему правдолюбию. Давайте, скажите мне, что завязывали шнурки вы плохо владея собой...

Мужчина смотрел не мигая.

– Наше спокойствие было напускным, – сухо ответил он, чуть заметно, впрочем, порозовев.

– Да, но ведь вы же, уходя, этим не ограничились, – произнес главврач страдальчески, – когда вам в очередной раз напомнили, что администрация не потерпит на своей территории недоверия и уклонения от необходимых мероприятий. – Он стоял у дверей, заложив одну руку за спину, а другой пытаясь передать размеры постигшей всех печали. – Вы же свой утренний анализ мочи *нам* поставили, наверх в выдвижной ящик.

– Здесь принято совершенно точно формулировать свое мнение по этому вопросу, – все также выжидательно отозвался мужчина, пытаясь понять, куда врач клонит.

– Ну, хорошо, ладно, это еще можно как-то объяснить. Но будить-то вам зачем персонал понадобилось. Зачем вы в телефонную трубку голосом старшего администратора желали всем спокойной ночи? У нас кое-кто до сих пор не может отойти ко сну.

– В том выражена способность воспринимать на слух. Пагубная привычка.

Врач покачал головой, глубоко вздыхая.

– Я вот все удивляюсь, откуда в одном человеке может взяться столько цинизма. Знаете, где мы нашли ваше постельное белье? Человеку со стороны ни за что не догадаться. В прачечной.

– Вы что, следите за мной? – спросил мужчина с неудовольствием.

– Мы здесь как частное лицо, – уклончиво ответил главврач. – Мы встретились позже назначенного часа.

– Это не по моей вине.

– Здравствуйтесь, а по чьей же тогда?

– Вы мне все время перечите, – сказал мужчина с упреком.

– Я не перечу вам.

– Вы мне опять все время перечите.

– А вы готовы поднять шум при малейшем несогласии.

– Я что-то не пойму, кто тут за чей счет кормится. Мне непонятен смысл ваших намеков и домыслов, основанных на чьем-то непонимании... Бросайте эту привычку все время плевать, я тут босый стою.

– Извините. В общем, знаете... Я вот тут подумал, можно просто посидеть. Может, мы как-нибудь встретимся, нам есть, о чем поговорить, может, мы как-нибудь поужинаем вместе, в другой обстановке... просто посидим...

Под бетонными сводами необъятного гаража повисла минута молчания.

– Вы что, смеетесь надо мной?

– Я не смеюсь над вами...

– Как же нет, я же вижу.

– Какой сейчас может...

– Вам смешно.

– Что вы, какой может быть...

– Нет, вам смешно, вы хихикаете...

– Мы не хихикаем, нам совсем сейчас не до смеха...

...вы уверены, что самые хитрые, вам все можно, что за вами закреплена привилегия ходить по пятам, стоять над душой, цеплять мне на сознание свои невозмутимые лица и плевать на пол. Сколько себя помню, вы всё пытаетесь, совершенно не стесняясь, установить приемлемые отношения между различными состояниями космической пыли, не желая знать, что зона вечной мерзлоты уже по определению своему предполагает *вечность*. Это слишком похоже на правду, чтобы беспечно улыбаться, но вы предпочитаете отменять утро, надевать на что ни попадя горчичники и потом с прискорбием и бесстыдством сообщать, что наступил сезон дождей. И глядя на ваши лица, я все чаще спрашиваю себя, а что, собственно, случилось? Куда они все ушли, куда они могли все уйти? Разве они все куда-то ушли, разве они могли куда-то уйти? Они же все здесь.

– Давайте не будем искать легких решений, – ответил главврач. – Я не совсем понимаю, какое отношение это имеет к запертым дверям.

– Не старайтесь казаться бестолковее, чем вы есть. Здесь все сторонники взвешенных решений, мы зашли уже слишком далеко. Все зашли.

– Меня томят смутные подозрения, – произнес главврач, – что это не совсем то, что вы думаете. Злоехидно сами смеясь над беспечною радостью тщетной...

– Я не знаю, что я больше ненавижу: ваше отекавшее выражение лица или вашу невозмутимую любовь к компромиссам. – Мужчина на какое-то время прищурился, потом вовсе прикрыл оба глаза. – Я постараюсь подавить зевоту отворачиваясь либо прикрывая рот ладонью, – предупредил он. – Доступ здесь несвободный. Любить, в общем-то, нечего, есть нечего, а то, что есть, едят удручающе регулярно. Кто-то постоянно носится с цинковым контейнером, насмерть пугая обслуживающий персонал (*перечисляет*) ... двери, как вы выразилась, все заперты. Окон нет вообще и судя по всему, не предвидится. Вот вы знаете, куда может привести эта дверь, если закрыть ее за собой в нужное время и в нужном месте? Нет. А почему? Я вам отвечу, почему. Потому что никому из вас это не приходило в голову. А вот вы наденьте горчичник, себе наденьте – и посмотрите, как все сразу упростится. Кроме случаев, оговоренных особо, – добавил он, предупреждая возможное возражение слушателей.

Главврач, сжав мужественные челюсти, начал играть кубиками желваков.

– Будем думать, – сказал он. – Изыскивать резервы.

– Вы только и делаете, что думаете и изыскиваете резервы.

– Я подаю надежду, – сухо ответил главврач. – Здесь это уже кое-что.

– Здесь это уже совсем не то, что вы думаете. Ваши слова не дойдут до сознания, а ваши позы могут быть превратно истолкованы, – с ненавистью произнес мужчина. – Меня уже тут не будет. Вот тогда вы все познаете горечь утраты. Остаюсь преданный вам. Не могу вас больше задерживать. Поделитесь своим опытом с кем-нибудь еще.

– Вы поступите опрометчиво, обратившись к силовым методам.

– Поступать опрометчиво – пожелание моих генов. – Мужчина склонил подбородок в выражении согласия. Он явно смягчился. – Во многом незнании много и печали.

– Чего вы, в самом деле, хорошо все так было, – сказал врач неприветливо. – Хорошо разговаривали. Давайте не будем тут сейчас устраивать стриптиз. Сегодня у всех у нас был трудный день, все мы человеки, у всех есть нервы...

Мужчина, как бы еще раздумывая, пожевал губами.

– Напротив, – сказал он, помолчав. – Напротив, сейчас тут все будут хорошо обуты. Мне показалось, что мои слова способны достучаться до вашего сознания.

– Хорошо, – повторил врач. – Прекрасно. Вы, я вижу, уже все для себя обдумали со своими генами. А администрации как прикажете определиться? Как прикажете со всем этим работать?

– Покойник будет выставлен для прощания, – произнес мужчина обнадеживающе.

– Вы не протяните так долго.

– Мы исключительно хорошо пообедали.

– Вы просто мало что от этого выиграете.

Мужчина рекомендующе склонил голову.

– Пришло время примириться с собой, – согласился он.

– Мы оставим за собой право на презумпцию невиновности.

– Как скажете.

Врач напряженно смотрел, стараясь ни за что не отводить глаза первым.

— У вас лихорадочный блеск глаз. Вас явно раздражает искусственный свет. Вы плохо кончите.

Мужчина спокойно мигнул, затем поглядел на свои пыльные пальцы ног.

«Листья блестели росой, – негромко произнес его голос как бы про себя, словно бы пробуя слово на вкус. – Блестеть...»

«Ветер усилился, – обронил голос в раздумье, обращаясь в легком беспокойстве своем к самой темной стороне коридора. – Вам не кажется, что вы зашли уже слишком далеко?..»

Мертвая тишина была ему ответом. Потом там ответили, будто бы осторожно шаркнули по голому полу подошвами, но уже неразборчиво, на пределе слышимости. Что там говорилось дальше, определить было трудно, пока он шагал по коридору, голоса все бубнили и бубнили вслед, заходясь до телевизионного шепота, затем, уже, как ему казалось, на другом уровне и совсем в другом безлюдном коридоре, он едва снова не нарвался на неприятности, обнаружив вдруг за стеклами ближайшего дверного проема все тех же санитаров с главврачом и втиснутым в угол между ними мужчиной в нижнем. Что произносилось на этот раз и произносилось ли что-то там вообще – было совсем не разобрать. Но что-то, видимо, все же говорилось, потому как теперь за стеклом все выглядели какими-то особенно серьезными, задумавшимися крепко, навсегда, даже подавленными. Мужчина в белье рассеянно смотрел, повернув голову, куда-то вдоль по коридору, бесцельно мямля в пальцах дымившуюся папироску. Главврач со сбитой на затылок шапочкой с тесемками и задранном на парапет пожарного щита локтем, опустив длинное уставшее лицо, тоже отстраненно цедил и тискал папироску. Двое мужиков в медицинских халатах рядом молча курили, упершись невидящими взглядами в пол. Дверь, к счастью, была заперта.

3

Источник шума, должно быть, находился где-то здесь.

Большие массы народа что-то скандировали, приглушенные визги сменял смех, под восторги объявлялись результаты. Кажется, кого-то били. Мимо, солидно покачивая широкими прекрасно развитыми плечам, сжимая в тренированных сильных руках катушки с магнитной лентой, в направлении призывно распахнутых дверей проплыли замкнутые спортивные лица. Загомонили с новой силой.

Он ступал следом.

В большом зале царило обычное для спортивных состязаний такого масштаба оживление. Над орущими массами болельщиков лениво ворочалась духота. Вспыхивали и гасли табло, галдели комментаторы, над головами теньями сновали кинокамеры. В углу вполголоса совещались. «Э! – обескуражено произнесли рядом. – Постой-ка, а где этот... перфоратор ваш, время же... Только что был тут, как его... Да старший вращатель этот ваш, душегуб...» – «Не иначе, тоже свалили. Господи, куда катится этот мир». – «А вы не смейтесь. Вы тут неделю, а уже себе позволяете. Думаете, всё так просто?» – «Нет, именно об этом и речь. Ну что за суки, честное слово». – «Руководству в преддверии получения крупной партии нового оборудования взбрело в голову устроить в это время суток между отделами программного обеспечения троеборье на скорость заправки в эвэем ленты, и, стало быть, все, кому дорога честь отдела...» Спаренный косячок дружелюбно настроенных сотрудников, подыгрывая, один другому подмигивая и зычно подбадривая один другого, как лопата в песок, ушла мимо ближе к периферии и выходу, увязнув где-то на полпути. Народ там не давался, хмурил брови, сбиваясь плотнее.

Ему удалось протиснуться вперед. Впереди страшным голосом попросили не прижимать. Что тут за барьером – было почти не разобрать, но центр свободного пространства занимала колонна, по всему, обычных студийных катушечных магнитофонов. Там же, согнувшись в неудобной позе у крайнего аппарата, возился некто в белой сорочке и черной «бабочке», на секунду лишь приподнимаясь, чтобы нервно поддержать двумя пальцами стрелку брюк, тут же опускаясь вновь, манипулируя указательными пальцами обеих рук и зримо напрягаясь, вращая упорно не желавшую вращаться заправленную катушку. Джентльмены за столом, сучая, вытягивали губы трубочкой, поглядывая на часы. В отдалении, не сводя остановившихся взглядов с агрегатов, мрачно поблескивавших на стульях, встряхивала руками группа мужчин в спортивных трусах и майках. Управившись наконец, оставив в покое катушку, человек с «бабочкой» устремился к столу. Неожиданно во всю свою оглушительную мощь бабахнул выстрел, и мужчины с топотом, расталкивая друг друга руками и спотыкаясь, со всех ног бросились в направлении магнитофонов. Сверху что-то посыпалось.

Тут его оттеснили назад и какое-то шальное течение мягко понесло к выходу. Зал сказал: «А...» Он пытался сопротивляться, но толпа внезапно снялась с места, и все повалили к дверям. Течение вынесло его, собранного и настроенного брюзжать, к турникету, ненадолго отпустило, давая возможность перевести дух и осмотреться, подхватило вновь, встряхнуло, развернуло и увлекло, раскачивая и стискивая со всех сторон, держа курс на крутобокое ущелье коридора. Здесь ему порядком наподдали, он предпринял новую попытку сориентироваться, но тут же успокоился, сберегая силы и стараясь сохранять правильное дыхание. «Это нужно было видеть, – сказали рядом, тшась широко провести свободной рукой. – Белая мгла. Белая магия. Бесконечное заснеженное пространство. Фиолетовый лед под мутным пятнышком солнца на далеком мерзлом горизонте. И среди этого вот изобилия света и низкой температуры – бодро торчащий из наносов и не тускнеющий с годами монументальный ансамбль в честь героев труда...» «Дверь сюда дай, говорю, племяш...» Ему подмигнули, по приятельски блестя зубами. «Хорошо идем». «А вы хорошо держитесь, – доверительно сообщили ему с дру-

гого бока. – Я сколько раз вас вижу, не перестаю восхищаться вашей выдержкой». Дальше вертели головами, теснились, решительно не прилагая никаких усилий к дальнейшему продвижению, там все больше мелькали сдвоенные мужественные лица со сведенными скулами, кто-то в голос, надсаживаясь и срываясь на фальцет, отдавал приказания направо и налево и настоятельно рекомендовал не сбиваться, соблюдать интервалы и выходить гуськом по одному. «Ща-а я как вы-ыйду-у... По-о одному-у...» – угрюмо затянул было позади низкий мужской голос на народный мотив, но тут видимое пространство ошутимо сократилось, надвинулось сразу отовсюду, сделав над собой усилие и перистальтически угнетаясь возросшим давлением, и народ задвигался, наваливаясь и набирая в грудь побольше воздуха. «Э, ну че там с дверьми, а!.. – не выдержал кто-то позади. – Че народ держим!..»

Абитуриент напряженно высматривал, все так же надсаживаясь и сжимая челюсти. Народ терпеливо ожидал продолжения. Впереди толкались. Народ в общем-то выглядел дружелюбным, в отдалении назревала борьба мнений, кое-кто флегматично осматривался.

Представитель администрации начальственным голосом распорядился насчет свободного доступа, багровея затылком и помогая себе кулаками, ему в меру сил поддакивали, вроде бы не возражали открыто, но дело как-то не шло. Представитель заметно нервничал, его видимая часть все время куда-то проваливалась, переставая быть видимой, словно его там на что-то роняли. В углу на забрызганном каплями пота татами двое продолжали кого-то бить ногами. Он снова увидел себя бесцельно бродящим в пустом тихом коридоре в полном одиночестве и решил уточнить маршрут еще раз. «Боб! Вот тут человек интересуется, объясни человеку, Боб... Я сам что-то не до конца...» «А вам к какому адвокату? – осторожно поинтересовались у него, и стали сосредоточенно дышать над ухом. – Если к нашему, так он сейчас на отдыхе...» «А чего это он там делает? – немедленно с большим подозрением осведомились у другого уха. – Он разве не на списании?» «Эй, гспада, гспа-ада!.. Ну, что же это...» – поворотились впереди с острым недоумением. «Черт знает что это... двери... Эй, Август, где двери?» «Ну что же вы, батюшка, стали?..» «Ну, давай, давай, чего стали. Пошли в края обетованные!..»

Толпа растекалась по коридору.

– Дай, думаю, вылью этот скандал в мирную дискуссию, и так мягко вворачиваю, в смысле, тогда не могли бы вы мне дать в двух словах определение вилки. Вот – элементарная вещь. Всем известная. Всё, думаю. Теперь он будет копать до ужина, пока не нарвется на Уинифреда, а там мы его сами закопаем. Я, понимаешь, это казус нашим доблестным докторам давал – так ты бы видел, как они зеленеть начинают. И что ты думаешь? Мог бы, говорит, – и так осторожно тянет мою рюмку со стола к себе. «Столовый прибор с ручкой и зубьями». Па-азвольте, говорю, а как же расческа? Расческа же подпадает под ваше определение! Он мне так сухо замечает: расческа не столовый прибор. И потом: вам ничто не мешает употребить ее вместо вилки. И тогда она перестанет для вас быть расческой. Представляешь? Так непридуманно накладывает себе мой салат и добавляет: а может, не перестанет. И тут я замечаю в дверях бодрого Уинифреда...

«Нет же, господа, уверяю вас, ничего заумного, здесь о соответствии неопределенностей Хайзенберга, да...» – «Очень смешно. Я вот смотрю и думаю: это до какой степени цинизма должен дойти человек, чтобы приставать к занятым людям со своей вилкой...» – «Я вам скажу, когда Хайзенберг перестал быть «заумным». Когда впервые надел значок нациста. С этого момента он был уже просто одним именем из миллионов». – «О да, о да. Сфера потребления – это форма уничтожения». – «Ну, опять же вы о бабах...» – «Хайзенберга», – передразнили рядом капризным голосом. – Какой там еще, к бабушке, «Хайзенберг», когда, говорят, нас вообще нет». – «А вот скажите мне: откуда берутся вообще гномы? Да нет же... Черт, какой вы, честное слово... В самом деле, кто-нибудь слышал что-то о женщине-гноме? Я вот затрудняюсь...» – «Без бороды. Все то же самое, только без бороды».

Так, ребята, а теперь все сели прямо и сделали серьезное лицо. Ни разу не встречал. Это в каком смысле – то же самое? А вы откуда знаете? Что? Что без бороды? И я, господа, как первый боец, но последний судья... А вот этот несносный ребенок определил прогресс как «позитивный количественный или качественный процесс». Демократический социум и жесткость авторитета империи: понятно, где творец чувствует себя вольготнее, – и это напоминает мне вездесущую поросль дикого винограда. Но государи же мои! Не забывайте, плоды домашнего винограда крупнее! И те удовольствия, что не по зубам, но по карману... Ощущаю червячок сомнения! И червячок этот, господа, совершая омерзительные движения телом своим...

Бросьте, господь создавал мир, руководствуясь библией.

Это многое объясняет. По крайней мере, можно больше не задавать без конца вопрос куда катится этот мир.

Вы можете иметь свое собственное мнение, если оно согласовано с моим.

И встретились хитрый с умным, и говорит хитрый умному: что, говорит, есть хитрость и что есть ум?

И сказал хитрый: тот, кто непонятен.

И смеялся, скорбный: кто умеет балансировать на тонкой грани и никогда не впадать в крайности.

Причем, если умный держится на ней от избытка ума, хитрый ее находит еще от недостатка глупости.

Что есть «грань»? Это то, чего обычная посредственность (дурак в норме) не видит никогда.

Кто точно определяет случайное.

Кто убедительно и безусловно может доказать, что он дурак. Он всегда ошибается дальше других. И точно знает, что не умен, и знает, почему не сможет им стать. И он всегда видит дальше других.

А если он видит дальше, чем полагают другие, тогда он – умеет быть хитрым. Великое мироздание, как же просто быть умным, находясь среди дураков... Он, уклоняясь от чужих локтей и взглядов, пробился к чередой дверей. В коридорном деловитом пространстве рядом случилась исполинская лакуна: в дверях с восседавшим в них большущим черномордым ясноглазым псом была вдета табличка: «Не беспокоить». Зверь имел вид помятый, до значительной степени угнетенный и встрепанный, словно со сна, морда у него была недовольная, и здесь было значительно свободнее.

Воздух обладал каким-то особенным, канцелярским привкусом. Привет, подумал он. Здесь тоже была приемная. У приемной наблюдалось оживление, проистекавшее из рабочего беспорядка. Суровый зверь в дверях, рассеянно бегая по сторонам глазками, совсем уже было настроился необыкновенно широко, со вкусом зевнуть, но встретившись с ним глазами, с лязгом захлопнул пасть и уставился немигающе. На складных походных стульчиках чинно восседали немногочисленные еще (или уже – здесь это трудно поддавалось точному определению) посетители, дожидаясь аудиенции: две какие-то прозрачные личности, спрятавшиеся за разворотами журналов; пара замкнутых, как чемодан, босых сотрудников; смутно кого-то напоминавший чисто умытый господин – при галстукке, папочке и чуть деформированном прямоугольном лице ветерана ММА; некто в глубоком темном монашеском капюшоне с торчащей вперед куцей бороденкой, покойно разместивший на своих коленках некий архивный манускрипт, – у стены рядом стояла деревянная коса, и она могла принадлежать только ему; маленький мальчик. На носу мальчика сидели очки, очки были какие-то странные: в них что-то отражалось, и того, что отражалось, здесь не было. У стены стояло большое автомобильное колесо. Во всем этом должен был быть какой-то смысл, разумное содержание, но он его не видел. Борода и капюшон время от времени вдруг на большом ускорении устремлялись вниз, чтобы затем занять исходное положение. Сидели здесь явно давно. Он вздохнул.

Мальчик не отрывал от него темных хамелеоновых стекол.

Отведя глаза, он со скрипом ступил на поистершийся порог.

Приемная выглядела неуютно полупустой, словно только после ремонта. В плотно зашторенном глухом кабинете царил полумрак. Приемные здесь тяготели к единообразию, повторяя одна другую с точностью до одного и того же полного мужчины при галстукке, белой рубашке, темных брюках и носках. Из распахнутой перед ним дверцы холодильника падал яркий свет. Мужчина стоял профилем и словно находился в процессе переговоров с невидимой секцией оппонентов. Кроме этого холодильника и прямоугольника желтого света в помещении офиса больше ничего не было. Упираясь одной рукой в косяк, другой в ребро дверцы, мужчина как раз заканчивал какую-то мысль вслух. Он смотрел в недра холодильного агрегата, как смотрят с края обрыва на отдаленные перспективы. «Закрываем...» – тяжело бросил он, обнаруживая некоторую тенденцию к повороту головы в сторону посетителя. Имело смысл прямо сейчас же из соображений экономии времени уверить, что дело совершенный пустяк, не может оторвать надолго от работы, однако объясниться не дали.

Заскрипела входная дверь, и в помещение осторожно, частями, стало вдвигаться рабочее лезвие сельскохозяйственного инвентаря, за ним ухват косы, за ним козлиная борода и следом за ней сам ее обладатель, низкорослый субъект, что, рассевшись, спал, не снимая капюшона. На широком грубом лезвии лежали отчетливые царапины. Этим явно и охотно пользовались.

Сердце его упало.

Мужчина у холодильника поперхнулся. Настроение хозяина кабинета претерпело неожиданные метаморфозы, от бывшего терпеливого недружелюбия не осталось и следа, лицо его внезапно осунулось, приобретя землистый оттенок, глаза заматались не то в поисках укрытия, не то подходящего случаю инструмента, он захлопнул холодильник и всем корпусом, словно с легким гулом развернулась башенная надстройка тяжелой техники с оптикой прямого наведения, обратился к до неприличия низкорослому мужчине с бородкой. Злобный дуэргар, подпоясанный, как на Хэллоуин, намыленной кожаной бечевой, неприятно улыбался. Под капюшоном его было почти не видно, но ему положительно здесь нравилось. Дверь у него за спиной трогали, ее явно пытались открыть, уже откровенно дергая и крутя ручку. Дверь не поддавалась. Она выглядела так, словно оказалась здесь просто так, между делом, ни на чем настаивая, и остальное к ней не относилось.

«Ну?.. – хрипло спросил хозяин с сильным неожиданным надрывом. – Готовы, что ли?..» Поедая желающим взором перспективу с холодильным агрегатом, все углы и подступы, сумрачный пикт прямо от дверей немедленно задергал бороденкой в том ключе, что да, конечно, все давно уже готовы, в нетерпении ожидают, и можно начинать. «Да я не вам», – произнес хозяин тем же сорванным голосом, собираясь, по-видимому, присовокупить сюда же что-то еще, что-то укоряюще и даже, может быть, предосудительное, но в этот момент в дверцу холодильника негромко постучали, она приоткрылась, отчетливо чмокнув, и до слуха донесся отдаленный приглушенный гомон, кашель, обстоятельный мужской гогот и неторопливые шаги. Там явственно слышалось не то гудение шмелей, путешествовавших с травинки на травинку, не то шуршали где-то вдалеке армейские вертолеты, уходя отработанным порядком к ясному четкому лунному горизонту...

Тут из-за двери послышался разгневанный детский голосок, в коридоре во весь рост поднялся гам, и там заорали что-то про очередь, про обнаглевший народ и потерянную совесть. В дверь уже отчетливо пинали. Все говорило за то, что не стоило сегодня пробовать казаться лучше, чем ты есть, сопротивляться течению обстоятельств и искать от добра добро. Было самое время принимать естественные решения.

4

– Что у вас за вид? – спросил Адвокат, поджав губы.

На багрово-алом огненном фоне, на крохотном журнальном столике позади четкого темного иезуитского профиля на серебряном блюде в форме раздавленной раковины с глубин моря покоились несколько мощных, самой неприятнейшей наружности умытых персиков и один бледненький лимончик. Пошел к Черту, подумал я. Тебя только тут не хватало со своими замечаниями. Мягкий свет зеленой лампы бил прямо в лицо.

– Оступился, – сказал я. – Прошу извинить.

– Здесь не рекомендуется оступаться, – строго сказал Адвокат. – Здесь следует всемерно глядеть под ноги. Должен заметить: я не доволен.

Он не доволен, думал я, сидя в старом нестерпимо скрипевшем кресле, вероятно, еще эпохи маршала Монтгомери, возле широкого стола и наблюдая за тем, как слипшаяся после приветствия кисть восстанавливает привычную окраску. Было впечатление, словно подержался за связку разводных ключей. Ваятель, говорят. Узнать бы, что он там ваяет. Я не выдержал и вновь, придерживаясь за подлокотники, украдкой поерзал в кресле, которому давно уже было пора на заслуженный отдых. Оно не могло предназначаться для сидения. Оно предназначалось для чего угодно, только не для сидения, об этом надлежало заявить сразу же и во всеуслышанье, но я только с напряженным вниманием прислушивался, когда же оно, наконец, в последний раз треснет и развалится. Из-под сиденья, синяя, выглядывал краешек небольшого полиэтиленового тазика. Я посмотрел на легкое печатное устройство с программным управлением, занимавшее дальний угол необъятного стола, и представил себе, как хозяин в жару, в несусветную душную летнюю ночь придвигает кресло ближе, усаживается и начинает работать: строгий, неприступный, в любимых просторных белых трусах, погрузив истомленные натруженные за долгий день ноги в холодную соленую морскую воду, бегая пальцами и глядя прямо перед собой. Аппарат с треском рассыпает длинные пулеметные очереди, дело ускоренными темпами продвигается к запланированному финалу.

Далеко-далеко в коридоре гуляли, словно разносимые сквозняком, обрывки каких-то переохлажденных визгов, неторопливые стенания, изредка возникал какой-то неясный гул, будто где-то, не очень далеко, начинало шуметь море. За дверью стремительно нарождалось некое перешептывание, которое монотонностью своей перекрывало влажные голоса: пришепывание, шорохи, все выше, все чаще – почти скороговоркой, на которые уже стремительно накладывался ясный и светлый, стеклянно тонкостенный звон роняемого («Все-таки не то это, скотоведы мои...»), в тот же момент заглушаемое равнодушными сухими длинными шагами: ближе, еще ближе, сухой стук сменялся протяжно-тоскливыми реверберациями, стеклянным стоном – и тишина...

Адвокат, – весь в домашнем, по-простому, в шлепанцах на скромный носок, – подвигавшись у стеллажей с книгами, повернул ко мне лицо и принялся смотреть на меня пристально и оценивающе. «Вы подготовили апологию?» – спросил он. Над его посеребренным лунным светом, аккуратно причесанным черепом с полки с той же холодностью глядела в моем направлении прехорошенькая киска. Мускулистая выправка и дымчатая голубая шерстка выдавали в ней еще одного аристократа. Мне показалось, что он был уверен, что я скажу «нет». «Да», – сказал я. Я вытащил из кармана уже весьма помятый, но, к счастью, почти сухой листочек, тщательно разгладил его на колене двумя ладонями и представил в развернутом виде. Перестав сверлить меня взглядом, Адвокат уселся в свое кресло и неприязненно оглядел поверхность стола; он отодвинул локтем тронутую карандашом бумагу, двумя пальцами приподнял листок за кончик и, заранее сморщившись, стал смотреть сквозь него на свет. «Тезисы», – сказал я, твердо глядя ему в глаза. Адвокат покачал головой. «Вы что, его через задницу пропустили?» Я

промолчал. В камине у меня за спиной пискнуло, мягко шурша осыпалось и загудело сильнее. «Вы хоть сами иногда читаете, что пишете?» – спросил Адвокат с горечью. Говорить не хотелось. Взять за галстук, подумал я. Поправить. Эт-то мне еще... «Это вы читаете, – сказал я. – У меня на это нет времени. Для справки: к вам непросто добраться».

Хозяин с прежним неприятным выражением бросил взгляд налево, где на краю стола был закреплен некий приборчик в одно узкое отверстие, бросил взгляд направо, где тихо ждали своей очереди бумага и стопка книг без названия и стаканчик с карандашами, и заглянул под папку. Тихий кабинет был уютен и сумрачен. Стол, стул, топчан под ненастоящей тигровой шкурой Книги до потолка. Ковры на полу и тяжелая черная портьера на стене. Здесь можно было жить. Картина. Мягкие кресла. Картина была непонятная, но хорошая. Пара больших мягких кресел времен длинных ножей и декольте напротив роскошного небольшого камина. Я долго присматривался и приглядывался, вытянув шею, выясняя, что же это там такое в одном из кресел, самом дальнем от меня, могло быть, и пришел к выводу, что более всего *это* напоминало разомлевшего в тепле откормленного кошачьего енота, весьма редкого на этих высотах мысли, щекастого и ляжкастого, возлежавшего кверху превосходно развитым светлым брюшком. Кресло имело счастье располагаться возле самого камина, и ему, по всему, было там хорошо.

Во тьме за приоткрытой дверью смежной комнаты гостиной угадывались хмуро поблескивающий сталью рукомойник и кухонный агрегат. Слегка беспокоили воспоминания грубый железный хват на тусклом стояке, какие бывают в зубоврачебном кабинете, чтобы плевать, и еще этот невнятный подозрительный медицинский душок. Станный деревянный стул с высоченной спинкой одиноко торчал в тени на отшибе, словно кого-то дожидаясь. Еще был большой железобетонный стол, вызывающий легкий озноб, ощущение неудобства и серой безысходности с желанием немедленно исповедаться: за ним явно работали, никого не оставляя в живых. Никогда не видел таких. И еще эта раздражающая манера собеседника при любых обстоятельствах оставаться в тени и его гестаповский ритуал принимать в кабинете с единственным стулом и единственной лампой – маленьким, злым зеленым прожектором, какое положение и позу ни принимай, бьющим исключительно в лицо... Далеко не таким доброжелательным виделось мне теперь это вместилище неведомых знаний и побуждений, равнодушных к любым белковым соединениям. Зябко мне было здесь. Зябко, тревожно и многообещающе. Меня не может интересовать ваш мыслительный аппарат, говорил Адвокат. В каком-то там абстрактном космическом смысле. Его фильтры, пропускная способность фильтров – что они пропускают и что они пропускать не желают ни при каких условиях, только это. Чудненько, продолжал он с суровостью. Информация, в конце концов, не делает проблемы, ее всегда можно купить, нет безгрешных – есть удачливые, это известно давно. И если хорошо покопаться, у каждого обнаружится масса интересного... Я очень скоро потерял нить и самым бессовестным образом даже не делал попыток ее найти. Я просто отдыхал.

Я встряхнулся, осоловело растирая лицо ладонями. Спать тут было нельзя. Но хотелось.

Вступительная часть явно затянулась. В ней на имя высшей инстанции излагалась разумная версия того, зачем я здесь и как здесь оказался. версия не то чтобы мне не нравилась но она имела ко мне такое же отношение, как средняя плотность материи во Вселенной. Впрочем, я и сам бы хотел услышать разумное объяснение, что я тут делал.

...Страсти доходят до такой точки, что Господа Предосудители готовы отбыть чуть ли не прямо на дом и по регламентированному пожеланию клиента от порога устроить тому пышное представление. С не всегда, правда, желательными для того последствиями, в том-то и дело. Но я-то, я-то здесь причем, – спрашивал я, заламывая и складывая у себя под подбородком ладони вместе. Я-то ни с кем не желал судиться; но как же, друг мой, с отеческой теплотой в голосе удивлялся собеседник, заглядывая в глаза, разве у вас нет желания использовать

свой шанс? И, быть может, в конечном итоге всех их употребить?.. Потом ему это надоело. Адвокат откинулся на спинку, собирая перед собой пальцы вместе.

«Вы вообще как, хотите когда-нибудь отсюда выйти?.. мм?..» – вздергивая брови, враждебно осведомился он.

Я все так же молча разглядывал на столе стопку стандартных чистых листов бумаги.

«Так о чем разговор? – произнес Адвокат. – В общем, как скажете... Я не могу настаивать...»

Вот сука, подумал я. Мы посидели, каждый оставаясь по свою сторону стола, молча переживая про себя возможный вариант событий. Это называется «на дом» что ли? – горько заметил я. Я целую вечность сюда добирался. У вас есть возможность разместить всю уважаемую Высшую Инстанцию, незамедлительно скидываясь собеседник, всю Коллегию, не говоря уже о зрителях, обозревателях и посторонних наблюдателях (вот именно – их, статья окупаемости!..), готовых ошутимо поддержать отдельную постановку, и прочий обслуживающий персонал в каком-то особом, специально отведенном, хорошо проветриваемом и подходящем для Предприятия подобного масштаба помещении, которое бы отвечало букве закона, духу времени и значительности события? Есть, отвечал я сердито. Не предлагаю, чтобы не привлекли еще за неуважение к суду. А что же, спрашивал я, заинтересованный новой мыслью, у кого есть такая возможность, это учитывается?

Разумеется. Суд не может не учитывать проявления исключительной лояльности и расположения к Правосудию, отвечал Адвокат непримиримо, изучая, прищурившись, дно глубокого пластикового стаканчика с карандашами. Процессуальное уложение предусматривает ряд необходимых практических мероприятий, в ходе которых процесс дознания и правозащиты производится в заранее оговоренное для этого время и в специально отведенном для этого месте, в случае, если компетентными лицами признается, что любезно предоставленное жилое, складское, строительное, учредительное, учебное, спортивное, исправительно-трудовое, лечебно-оздоровительное, сантехническое, административное или любое другое частное помещение не может по своему морально-этическому и архитектурно-композиционному решению воспрепятствовать успеху судопроизводства. Он со стуком поставил стакан на стол и сгустил одну бровь, словно бы чему-то неприятно удивившись. И с каким результатом? – спросил я без всякого любопытства, настроенный брюзжать. С соответствующим, ответил Адвокат, как-то излишне внимательно присматриваясь к чему-то над моим левым плечом. Это мы обсудим позже. Он встряхнулся. Что вас интересует еще? Конкретно и по существу. И давайте быстрее, у вас очень мало времени; одна деталь, сказал я, ерзая на сиденье. И что же, находятся экземпляры, которые желают самолично пойти под суд? Друг мой, блестя в уголку рта железным зубом, с легкой укоризной заметил Адвокат, вы представьте только, какое это удовольствие: успешно пройти все вилки и оставить правосудие с носом, тут же тоже не машины работают. И не будемте об этом. У нас еще масса работы, а вы меня все время перебиваете. Удовольствие, на мой взгляд, было не так чтоб уж очень большим, но я промолчал, собрав ладони на коленях вместе и бессмысленно глядя перед собой. Откуда-то издалека донесся не то шорох прибоа, не те ослабленный расстоянием рев толпы, множество трезвых голосов чуть ближе хрипло орало: «Ойнахо-оя-а!.. Ойнахо-ойй-й-йя-а!..» Вот странно, подумал я. Причем здесь ойнахо? Я смотрел на растянувшуюся на полке у книжных корешков голубую матерую киску, а киска смотрела на меня. По-моему, она была неживая.

...Адвокат глядел на меня, сцепив перед собой пальцы.

– Какая у электрона скорость на орбите? – спросил он, как бы наконец оформив в словах то, что его мучило все эти годы.

Пожевав губами, я тоже стал с неприятным выражением смотреть на этого гада, занятого не делом, а тем, как максимально усложнить мне жизнь.

– Очевидно, она достаточно высокая, чтобы привлечь к себе средства и внимание специалистов, – ответил я.

Адвокат продолжал смотреть на меня, как на изваяние, как бы не в силах решить, что со мной делать.

– Совершенно верно, – вдруг согласился Адвокат. – Он так удачно морочит всем голову, что нам тоже надо с него брать пример.

«...Прежде всего, чтобы вас не успели сразу же поставить к стенке вместе с вашей непредсказуемостью, нужно хотя бы в общих чертах составить для себя какое-то более или менее адекватное представление мировоззренческого характера. Насчет как быть с учетом новых обстоятельств и ряда некоторых свойств реальности. В общем, чем руководствоваться, делая далеко идущие прогнозы и вынося уместные решения».

«У меня своих мировоззрений хватает, – хмуро отозвался я. – Зачем мне чьи-то еще».

«Минуту помолчите, хорошо? – ответил Адвокат угрюмо. – Возьмите для начала нелинейные системы, то есть что-то на достаточно хорошем уровне сложности. Скажем, какую-то вещь из живой природы. Так вот, есть информация, математически уже успели где-то доказать, что любая такая штука в принципе может развиваться по бесчисленным равноправным путям. Причем все они, эти гипотетические пути полным комплектом уже в ней в тайном образе содержатся. Жизнеутверждающе, правда? Но это еще не все. Знаете, куда потом приходят по этой дорожке? К беспорядку. Полный беспорядок как особое состояние сверхсложных систем. Откуда вот, по-вашему, должен браться беспорядок? Все очень просто. Из организаций сверхсложного уровня, чем сложнее организация, тем скорее она сподобится перейти на уровень беспорядка. Теперь только у нас тут появляется какой-то смысл, вода в кранах бежит быстрее, дни сменяются чаще и жизнь наполняется содержанием. Ради этого стоит жить, правда? Вы на минуту возьмите только себя в руки и вдумайтесь. – Адвокат помолчал, давая время вдуматься. – Посмотрите, что происходит: берется сложная система, прогоняется в своей версии до предела такой запутанности, чтобы ничего уже в развитии понять было нельзя, и потом начинают бить об стену импортное оборудование. Знаете, как это называется? Детерминированный хаос. То есть то самое, заветное, где начинает блудить «случай». Даже специальное название по такому случаю придумали: «вовремя похоронить детерминизм».

– Я это все к тому, – продолжал Адвокат, прижимая пальцы к глазам, – что здесь закапывать детерминизм не нужно очень спешить.

Я подумал, что всё может быть хуже, чем я себе представлял. Если от случая зависело, сумею ли я отсюда выбраться или нет, то меня тут похоронят вместе с его детерминизмом. У меня уже не в первый раз опускались руки, но лишь сейчас до меня стал доходить истинный масштаб того, насколько всё было плохо. Адвокат свое дело знал.

По традиции принято, конечно, чуть что – кивать на флюктуации: «нельзя просчитать». Но даже в нелинейных системах пресловутые флюктуации валят выбор на один из бесчисленных сценариев развития вроде бы ни к селу ни к городу. Но: ведь строго в плоскости только возможных решений и ни в коем случае не иначе. Естественно, начинает возникать невольное недоумение, а из чего, собственно, следует запрет, что флюктуация сама не имеет права иметь свою логику и что рано или поздно ее можно будет вычленивать и более или менее просчитать? Жизнь на этом, положим, сразу не закончится, но перед фундаментальными свойствами материи нужно встать и склонить головы...

Короче, если опустить всю вводную часть с послесловием. Если какое-то событие по степени своей вероятности стремится к единице, то в своих последующих действиях вы принимаете это событие как данность. Как что-то, уже осуществившееся – и в последующем исходите только из этого. Все крайне просто, как видите. Например, если вы путем стандартных логических построений приходите к тому, что кто-то хотел вас хорошо подставить, но не подставил в силу объективных обстоятельств, скажем, просто в силу недостаточно точного зна-

ния о вашем существовании, то вы строго исходите из того, что вас уже подставили, со всеми вытекающими отсюда последствиями, а не рефлексируете, прижав ладони к лицу, куда катится этот мир и почему вам так не везет...»

Я сидел, с неприятным чувством стискивая меж колен ладони. И чем больше я слушал, тем большее удручение меня охватывало. Это было уже совсем что-то на грани приличия.

«Вот давайте нелинейные системы сегодня хотя бы трогать не будем, – сказал я, кладя ладонь на холодный подлокотник и морщась. – Все равно никто в них ничего толком не понимает».

Адвокат тоже помолчал вместе со мной, отведя глаза, тихонько вертя сиденье колесиками туда-сюда и удобно подпирая ладонью подбородок. «А чего я такого сказал? – спросил он не очень внятно. Мы оба, каждый на своем месте, сидели, осторожно пробуя на прочность свои сиденья и ни на что не реагируя. – Отнесемся к этому как к еще одному поводу остаться в живых. Вы еще не знакомились вплотную с нобелевской речью Дьявола? И не торопитесь. Это всегда не поздно. В конечном счете, нам с вами предстоит исходить из ощущения новизны».

Собеседник задумчиво побарабанил по полировке пальцами, невидяще уставившись в стол. Говорил он хорошо, этого не отнять. Хотел бы я так чесать языком, а не сидеть сейчас на проклятом скрипучем сиденье. На лежавшем перед ним листе можно было разобрать предварительные наброски некоей диаграммы или, может, некоего большого иероглифа. «Веселится и гуляет мой, народ...» – негромко обронил Адвокат, отвернув ухо от двери, и прикрылся ладонью.

Стол перед ним сохранял непрístupный вид. Он весь был какой-то чересчур правильный, ненормально гладкий, ничего не отражающий, странный, страшный, темно-серый, очень холодный, невыносимо прямоугольный, словно бы вырубленный из цельного куска осадочных пород. Было такое впечатление, что перед обработкой его, может быть, просто по частям отливали из бетона и многотонными механизмами собирали уже непосредственно на месте. Из камня, поправил Адвокат. Он глядел на меня исподлобья, с ледяной неприязнью поверх чуть подрагивавшего обреза листа. Из пресловутого камня преткновения. Как приткнешься сюда – так все... Просто невероятная инерция массы. Он мигнул. А вы что же, разве не ощущаете разницы? Я замотал головой, отдернув палец, которым водил по мутной гладкой поверхности. Вы просто не с того конца глядите, произнес Адвокат убежденно. Здесь нужно глядеть непредвзято.

Я, по возможности, непредвзято посмотрел на своего защитника. Его мерзлой отполированной физиономии с остановившимся взглядом реаниматора, который берется оживлять труп, и ушами отставного полковника неплохо шел мрачный галстук зауспокойных тонов под мягким узлом, непринужденно и довольно успешно прикрывавшим небрежную пуговичку на кадыке. Пуговичка деятельно подчеркивала неофициальную затрапезность беседы и, опасно приближаясь к границам дозволенного, все же не оставляла их. Легкие черные очки наемников Центральной Африки ему, на мой взгляд, подошли бы больше, однако он, по всему, как человек с безупречным прошлым и исключительно хорошим зрением отдавал предпочтение декоративным линзам. Ощущение было такое, словно я сидел на приеме у Медузы Горгоны. Меня даже внутренне передернуло. Я старался туда не смотреть.

Мой защитник сидел за рабочим столом в мягком удобном кресле, сохранявшем неподвижность и не издававшим ни единого звука на протяжении всего времени, пока я к нему прислушивался, и искал карандаши. Он делал это с таким видом, словно каждый новый день у него начинался с поиска карандашей. В коридоре вновь загремел роняемый железный таз, затем стало потише.

Криминальные голоса раздавались и исчезали, оставаясь где-то на пределе слышимости. Чудненько, снова обронил Адвокат. «Вот что меня всегда раздражало, – с глубочайшей неприязнью в голосе произнес он, сгибаясь и разгибаясь всем телом во все стороны и хло-

пая ладонью по столу, – так это куда деваются письменные принадлежности». – «А это что, не карандаши, что ли?» – сварливо сказал я, стелая креслом и указывая на парочку узких, безукоризненно отточенных стержней, торчавших из нагрудного кармана его оглушительно-безупречно отлично сшитого пиджака цвета «мокрый асфальт», сидевшего на нем, как на стуле.

«Это не те, – пробормотал он, как мне показалось, не без некоторой издевки, приподнимая и вновь заглядывая под папку. – Эти слишком простые».

Я, нужно сказать, тоже люблю пользоваться автоматическим карандашом по присущей моему естеству лени, и из соображений удобства всегда предпочту тонюсенький графит другому инструменту, но в крайнем случае, по-моему, уж можно было воспользоваться и хорошей ручкой. С ума сойти, подумал я. Из-за края книжной полки меня в упор разглядывали два пристальных близкопосаженных глянцевого глаза. Чересчур крупное, просто чудовищных размеров и весьма сухих пропорций членистоногое, охранявшее пепельницу, выглядело живым. «А наверху глядели?» – спросил я с последней ступеньки шаткой стремянки из-под самого потолка, присматриваясь к незнакомому интерьеру. Тут была уйма пыли. Я озадаченно смотрел, пытаюсь составить общую стратегию поведения. Потом без резких движений повернул голову направо. Где-то далеко в коридоре за дверью уже неопределенно длительное время не прекращался едва слышный дробный стук. Там не переставали гудеть и бегать, послышался отдаленный звон вдребезги разлетавшегося стекла, и гостеприимный ласковый голос произнес: «Спроси у Нгоры – найди Нгору Таки, найди эту амплитуду пределов моей терпимости, спроси: „Нгора Таки, можно мне тоже?“» Окинув взглядом запыленную полку из конца в конец, я стал спускаться.

– ...Похождения мизантропов мне, кстати, понравились, – продолжал голос Адвоката подо мной внизу. – Есть в этом что-то такое от благоощущения первобытности, девической чистоты... – Адвокат коснулся локтем левого подлокотника, кончиками пальцев трогая гладко выбритый мужественный подбородок, немножко покрутил креслом, покачав коленками, и поднял на меня глаза, преисполненные понимающего спокойствия и дальновидности. – Не хватает жизнерадостности, – заключил он, помолчав, в некотором раздумье. – Сдержанности... И соблюдение меры – разумеется, чувство меры и тонкий вкус, чуть шире и светлее палитра, чуть раскованнее в обращении со словом, вольнее... и не увлекаться... И, простите, этот вездесущий душок вульгарности...

У лесенки оказался довольно крутой нрав, она все время норовила покачаться, и приходилось смотреть, куда ставить ногу. По дороге я заметил торчавший из середины брошенной на полке книги толстый конец карандаша и захватил с собой. Кончик был почти без графита, тляп-ляп заточенный, словно работали его не глядя, тесали походя и топором.

– Этот?

– А! – осекшись, обрадовался Адвокат, блестя металлическим зубом. – Вот он где оказался! – Он сделал приглашающий жест кистью. – Чудненько. Давайте его сюда тоже, это хороший карандаш, я уж Черт знает когда потерял и думал – с концами. Вот вы держите его в руках и не знаете того, что до вас к нему никто не прикасался. Кроме меня, разумеется. Инструмент весьма преклонного возраста. Вы даже не подозреваете, насколько преклонного...

Раритет не раритет, но им явно пользовались. На гранях карандаша были отчетливо различимы углубления, округлые вмятины, глядя на четкий симметричный рисунок которых не о случайном касании думалось уже – о широком мертвом хвате челюстей киноида. Я, не удержавшись, бросил произвольный взгляд на нижнюю часть лица собеседника, но ничего, конечно, не понял. Я посмотрел вверх и встретился с глянцевыми близко посаженными глазками, не двигаясь, следившими за мной из-за верхнего края стеллажа. Я ускорила спуск. Передвигаться приходилось с неудобством, я соблюдал осторожность, не отпуская легкого поручня, но вскоре наловчился и поскакал по ступенькам вприпрыжку, вполуха прислушиваясь к шедшим с низу многослойно-туманным репликам, с любопытством озираясь

по сторонам и постукивая в такт по турникету ладонью. И пронеслись мимо орлы, африканские маски, зубы, заврорнитоиды, черепа, «Хомо кто-то», гвозди, тубики, кисточки, косточки, реальные кости, люди, атласы, словари, мифы народов и миров, стопки, тетрадки, скрипки, ножи, стеллажи, этажи, штабеля, эстакады, уровни, эпохи... Пыли здесь не было видно вовсе. С точки зрения навозной кучи, не переставал гудеть внизу нудный голос, случайно забредший камушек будет восприниматься как патология. Отклонение от нормы. Вот представьте себе: навозная куча. Это естественное решение. Адвокат для наглядности сложил ладони домиком. Степень нормальности и ненормальности. То же, кстати, будет касаться и жемчужин. Вопрос нормы. Вот что, скажем, не приемлете вы? Вне всякого контекста, друг мой, что не любите вы лично, как трансцендент, как патриот? Мы с вами анализируем, разумеется, с учетом того, что аналогия не может в серьезных работах расцениваться как доказательство, с ее помощью, как известно, можно доказать все что угодно. И тем не менее. Не люблю яблочного сока, убежденно сказал я, задумавшись. Не понимаю я этого надругательства над вкусовыми пупырышками, не приемлю. Ни как трансцендент, ни как патриот. Притвор не люблю, сказал я. Самолюбующихся, дурно пахнущих, лгущих и уверенных, что лгут на высоком артистическом уровне или, по крайней мере, что никто не видит их такими, какие они есть, а все их видят такими, какими они себе кажутся. Элемент дерьмовщинки. Нужно просто уходить как можно дальше. Им уже, ничто не поможет. Вот тут мое избалованное воображение, тренированное хладнокровие, прославленная мудрость и железная воля подвергаются серьезному испытанию. Питбуль и дворняжка. Холеная дворняжка с амбициями питбуля. Когда я вижу громкое демонстрирование при каждом удобном случае движения души, троекратно проигранного про себя, которому стоя аплодирует такое же собрание тихих лжецов и серой посредственности, все более и более укрепляясь во мнении, что они в этом мире чего-то стоят, я мужественно закрываю глаза и говорю себе, что нас это не касается, какое нам дело. Мы сами здесь и, значит, не лучше и что вообще мы стоим за терпимость. Движение души тоже может быть троекратно проиграно и отрепетировано, – заметил Адвокат. Я это называю: суррогат здорового животного эгоизма.

Неинтересен тот, кто здесь ничего не понял, продолжал он снизу, с далекого дна заставленного книгами уютного нагретого колодца гостиной. Я сочувствую тому, кто понял по-своему. Говорили к тем, кто понимает им враждебное, немое, не заслуживающее доверия. Ибо фактам надлежит смотреть в лицо, а не скажем, в спину... Что вы там делаете?

Но я уже и сам сообразил, что тут к чему. Пытаясь разобраться со своими ногами и руками, я перестал вертеть головой и шлепать ладонью по поручню, мне представилось, как я с грохотом спускаюсь к самому основанию, с грохотом валю набок лесенку, и стал смотреть вниз. Когда ступеньки начали сливаться в единую узкую ленточку ухабистого обрывистого эскалатора, я снизил скорость и взялся за поручень. В общем, тут все по спецзаказу, объяснял Адвокат, вытряхивая содержимое очередного ящика прямо на стол и поднося к носу каждый предмет. И в основном на одну тематику. Карандаш в ваших руках тоже можно отнести к разряду реликвий. Его графит, точнее, жженая кость, которую он в себе содержит, целиком собрана с манускриптов великого Суу, мысль которого намного опередила свое время. Я склоняюсь к мысли, что сами манускрипты также представляли определенную ценность, но тут уж, как вы понимаете, что-нибудь одно. Все это чрезвычайно занимательно, сказал я, но у вас тут что-то с лестницей. Вы когда последний раз ею пользовались?

Простите меня, довольно холодно отозвался он, но вы говорите банальные вещи. И кроме того. Всякая тонкая натура с точки зрения динамики развития может представлять интерес только как жесткая натура. Иначе она не имеет ценности. Под ненадежным панцирем она просто не смогла бы остаться самой собой. Видоизменилась бы. Я знаю, вы меня поймете, если скажу, что тут речь не идет о посредственности, которая не считает себя посредственностью. Она, впрочем, никогда не считает себя посредственностью. И не о слабой натуре, а именно о тонкочувствующей: с хрупким инструментом, очень точным, глубоко проникающим. Моро-

зоустойчивым же душой просто нет необходимости самосохраняться – самосохраняясь, они деревянны как снаружи, так и внутри. Общего между тем и другим столько же, сколько, скажем, можно наблюдать в сравнительном анализе превосходно выполненной скрипкой и детской погремушкой, общего у них немного.

Ну, выжидательно произнес я, почесывая ладонь тупым кончиком карандаша. Адвокат уронил в стол новую стопочку бумаги. А вы опять не с того конца начали, сказал он довольно равнодушно. Он оторвался наконец от своих бумаг и, задрвав голову, посмотрел куда-то мимо и много дальше меня. Вы хотите спуститься по лестнице, ведущей наверх. Ну, сказал я раздраженно. Мне это уже стало надоедать. И что же мне теперь прикажете делать? Здесь стоять неудобно. А вы не стойте, не стойте, легкомысленно вскричал Адвокат. Здесь нельзя стоять. А если я сейчас вот отсюда возьму и спрыгну? Я обратил взгляд назад. Попробуйте, не очень уверенно согласился Адвокат, помолчав. Только вот карандаш бросьте и попробуйте. Но не рекомендовал бы. Не стоит рисковать. Я бы на вашем месте не рисковал. Черт бы вас взял с вашими лестницами, не выдержал я. Разве нельзя было сказать сразу? Я вниз хочу... Внизу отчетливо обозначился потемневший от времени мохнатый край ковра, который отсюда больше всего напоминал сильно потоптанный, рафинированный, побитый молью, химией, автолюбителями природы, вонючими механизмами и прочей сволочью, но все еще густой ковер живого леса с высоты птичьего полета. Лес я любил; когда ничего не останется, останется лес. Деваться мне, собственно, больше было некуда. А вы на меня не кричите, сказал Адвокат. Я этого не люблю. Вас никто не просил брать эту лестницу. Так нет же больше, сказал я растерянно. Сами же говорили, что это хорошая лестница. А у меня тут все наилучшего качества, нагло заметил Адвокат, но это не говорит о том, что надо начинать бегать по потолку. Ну, что же вы стоите? Ступайте, ступайте наверх, там разберемся. Послушайте, сказал я, какого Черта? Я не намерен, весь день бегать туда-обратно. Я вспомнил глаза. Я не хочу наверх, заявил я. Там не прибрано. И, кроме того, многообещающе сказал я, учтите, у меня карандаш. Я показал карандаш.

Адвокат озабоченно пожевал губами и неохотно стал выползать из кресла. Тогда только наверх, сказал он. Не упрямытесь. Но я уже был там, напомнил я, закипая. И как? – спросил Адвокат без особого любопытства. Как обычно, ответил я. Вы долго еще здесь меня будете мариновать? Адвокат подпер задом край стола и, сложив на груди руки, крепко задумался. Знаете что, осторожно сказал он. А вы не пробовали проникнуть сюда по частям? Что вы там несете, нетерпеливо произнес я, озираясь по сторонам. По каким еще частям? Что значит – по частям? Ну, вот вы стремились сюда как бы все душой, правильно? Всем, так сказать, своим объемом. А вы попробуйте сейчас: фрагментарно и без лишних движений, мм?.. Попробуйте, у вас обязательно получится, я знаю...

Он стоял, недостижимый, далеко внизу, засунув руки в глубокие карманы брюк, спокойный, душегуб, невыносимо уверенный, что деваться мне некуда и я непременно стану прислушиваться ко всем его рекомендациям и всему тому паскудству, которое он там, не достижимый, сейчас несет, и буду немедленно все это принимать к исполнению.

5

В коридоре неразборчиво и сипло орала, гремели мощами, стучали ногами по полу и изо всех сил хлопала дверь. Кто-то сказал: «Да, Черт возьми, да!.. Нет. Да держите же, сейчас все тут разнесет!..»

– И что самое главное, нельзя ни при каких обстоятельствах терять бдительности. Надо следить за языком, который все время норовит назвать Шарон Юлей, а Юлю Вирджинией. Не правда ли, схожесть имен примечательная? Очень легко можно схлопотать по физиономии. Это следующее. Впрочем, через какое-то время хождение по краю начинает терять вкус, но приучает к дисциплине... Хотите ся-энвич?

Помявшись, я предложил, испытывая обязывающую неловкость, выпить персикового соку. Когда мы разделались с самым большим персиком, Адвокат взял из пачки новый лист бумаги и принялся долго и смешно рассказывать, как опасно бывает не обращать совсем никакого внимания на слабый пол и какие это может иметь просто катастрофические последствия, когда начинают мстить за свою непривлекательность. Самым разумным в этом случае было бы, не вдаваясь в крайности, держаться на почтительном расстоянии от эпицентра вредоносных поползновений, уделяя зонам повышенного риска скрупулезно рассчитанное внимание, предусмотрительно отпуская во все стороны общеизвестные, общепринятые и общедоступные комплименты в обмен на долгую, здоровую и счастливую жизнь. ...Стул был крепкий, темного дерева, выглаженный и отполированный, – немножко потерт в углах и чуточку сбит в промежностях, однако выглядевший тем не менее как нельзя лучше здесь в угрюмом ансамбле подозрительных ассоциаций и мрачных предчувствий. От прочей фурнитуры он отличался примерно так же, как объезженный добрый боевой конь отличается от стада диких кобылиц, массы стремительных недоеных лошадиных сил и все впустую. Я его оценил и кто-то явно сделал это еще раньше: отсутствие, как это бывает принято у стульев, какого бы то ни было намека на наличие подлокотников, замечательная резьба, вместительное сидалище с довольно непривычным решением дизайна – плоскость прямоугольного сиденья с острыми углами была словно бы аккуратно вдавлена на глубину ступни, – прочно упирающиеся в пол звериные лапки на каких-то, уже лишних, на мой взгляд, каблуках, скромный зелененький пуфик под задницу, но неожиданно высокая спинка с наитщательнейшим образом выполненным на ней тиснением и достаточно невзрачной графикой на тутмосскую тематику, – был он несколько жестковат в пояснице и заметно прямолинеен в тазу (пуфик то и дело устремлялся куда-то вперед, где поглубже, – так что все время хотелось лечь), этот стул, однако сейчас это был единственный предмет, который годился на нечто большее, чем просто на него смотреть: на нем можно было сидеть и даже раскачиваться. Пупырышек, думал я, раскачиваясь на стуле и вежливо улыбаясь в сторону стеллажей с книгами. То же мне: Нобель дер Вельт. Собеседник произносил много странных слов.

В данном случае мы чрезвычайно близки, объяснял он, пристально всматриваясь мне в лицо темными бессовестными глазками младенца. Я бы определил нас даже как единство предопределенностей. Пирог с одним общим содержанием.

Вытянув из пачки чистую бумагу, он принялся что-то чиркать. Я с сомнением глядел на его большие уши, одно из которых некогда было сломано бездарно поставленным, но тяжелым боковым ударом, на его прямой, совсем неплохо сохранившийся нос и чистые ухоженные пальцы молодого живописца. Он был непредсказуем. Еще один, с внезапной тоской подумалось мне. Пирог.

– Не исключено, – прервавшись, продолжал он с суровостью, уставившись в одну точку на столе, – что вас будут спрашивать не о том, о чем бы вам хотелось, чтобы вас спросили. И,

возможно, совсем не о том, о чем обычно принято спрашивать в таких случаях. Не исключены беседы на отвлеченные темы. Придется потерпеть.

– Ни хрена себе, – сказал я. – Я боли боюсь.

– Мы все ее боимся, – согласился Адвокат. – Каждый в меру своих сил. Не акцентируйтесь сейчас на этом. Интенсивные меры воздействия в процессе дознания здесь достаточно редки. Правда, это не делает их более привлекательными. Давайте не будем во всем видеть одну только мрачную сторону. Притчи возможны. Дискуссии желательны. С анекдотами осторожнее. У всех специфическое чувство юмора. И я категорически настаиваю: никаких иллюзий насчет того, что должно было бы произойти, но по каким-то причинам не состоялось. Вы меня понимаете? Присяжный народ, между нами, какой-то странный пошел: все на одну морду, похожие, неподвижные, молчаливые, как и не живые совсем... – Он оторвал глаза от стола и взглянул на меня пронизывающе. – Но я не мог бы рекомендовать вам подвергать верность каких бы то ни было домыслов проверке. Возможно, они в самом деле там будут использоваться в таком качестве, и это нас не касается, это не нашего с вами ума дело. Критиковать много можно и нужно, здесь это любят. Опережайте формой концепцию – здесь это ценят... – Адвокат затолкал за отглаженный отворот белой рубашки указательный палец, темный на сгибах, мозолистосуставный и коротко остриженный. Потом он откинулся в кресле. – Думайте, что и как сказать. Со сдержанностью. Негромко. И как можно меньше движений. Всякого рода объятия, бега и прыжки в длину. И упаси вас предусмотрительность начать во время выступления кашлять, это может быть неверно истолковано. Это по поводу того, что можно. Предпочтительно также пальцы рук собрать в кулак, это допускается, это – адекватно, это – симпатично, – он собрал пальцы руки в кулак, – главное, не забывайте, что здесь вас не ждали и вообще. Тут вам не дилетанты какие-нибудь, не кроткое и на все согласное содружество какой-нибудь инквизиции.

– ФСС, – с прежним неприятным чувством пробормотал я. – Филиал Страшного Суда.

«... Увидимся приблизительно, скажем, без пяти девять, – забубнили в коридоре. – Как – нормально?»

Ничего себе приблизительноность, пронеслось у меня в голове.

– И ничего смешного тут нет. Именно филиал. На кооперативных началах, если угодно.

Адвокат продолжал смотреть на меня строго и непредвзято. Вынув палец из-за ворота, он внезапно подался вперед, хлопнул меня по руке и размягченным голосом попросил:

– А сказки будете рассказывать дома – своей бабушке. Это, – он, не глядя, приподнял мои тезисы за ушко и подержал несколько времени, – оставьте у себя и больше никому не показывайте.

Мне здесь нравилось все меньше и меньше.

Адвокат снова задумчиво подергал за ручку ящик стола.

– Я в таких случаях утешаю себя мыслью, что чем глубже ищешь, тем лучше находишь.

Он выглядел по-настоящему озадаченным.

– Теперь коснемся судьбы вашего будущего. Воспринимайте меня не более чем и.о. судебного логографа. Вам, несомненно, известно, что такое есть в сложившихся обстоятельствах и.о. судебного логографа? Вот и воспринимайте. В мыслях я буду с вами. Защищаться будете, разумеется, один – как у древних греков, тут это любят: с помпой, с чтением стихов, распитием напитков, симпозием и прочим сопутствующим безобразием. Как я уже имел случай пояснить выше, когда предусмотрительно судят не столько за то, что совершено, но скорее за то, что с высокой степенью вероятности готово произойти и потому, понятно, может уже с полным правом считаться, так сказать, фактом де-юре, остается только плясать. Поймите правильно, я сам не восторге от того, через что вам придется пройти, но когда правила устанавливают обстоятельства такого уровня, нужно быть реалистом. А, боюсь, это самое последнее, что вы умеете делать.

Я совсем было настроился брюзжать, но передумал. В конце концов, он сидел по другую сторону стола, а не я.

Томно поведив широким плечом, он невероятным усилием вывернул наружу пальцы рук, с хрустом потягиваясь, запрокидывая голову и единым взором охватывая верхние полки.

– Ибо ни один проступок, ни одно преступление не должно остаться без трезвого и непредвзятого внимания. Если вы недоуменно спросите: да, но причем здесь я? – я вам ничего не отвечу. В том состоит природная закономерность, вы меня понимаете? Снимайте носки.

Глаза собеседника лучились доброжелательностью.

Я провернул в голове серию из возможных вопросов и ответов и начал стягивать правый носок; собеседник оказал мне внимание, немедленно нависнув над столом, упираясь в мои тезисы кулаком, двумя пальцами другой руки придерживая очки за массивную роговую оправу, чуть-чуть приподнимая и отводя в сторону мизинчик.

– Что вам доступно?

Отведя одну дужку и совершив головой незаконченное вращательное движение, он снял очки.

– Что вы видите?

Я некоторое время помигивал, разглядывая, смутно уставясь на побледневший свод ступни, тихонько сгибая и разгибая пальцы и не чувствуя ничего, кроме приступа нового раздражения. Какое-то издевательство. Вместо ожидаемой припухлости на пятке оказалось едва заметное, оскорбительно невзрачное покраснение, которое довольно ощутимо жгло и за которое было неловко перед самим собой.

– А что нужно видеть?

– Лично мне видно на вашей пятке мозолистое уплотнение в процессе формирования и предвосхищенный заусенец. – Он легким профессорским жестом коснулся моей пятки кончиком дужки. – Взгляните внимательнее, вот тут...

Он вновь повалился в свое кресло и принялся рыться в бумагах. Следовало, приглядевшись, согласиться, что некоторый заусенец, я бы даже сказал, некоторое воспоминание о будущем заусенце, безусловно, имело место.

– Да, да, да, – сказал я, чтобы что-то сказать. – И какого Черта он здесь делает?

– Дело не только и не столько в особенностях вашей пятки. Для наглядности можно было взять все, что угодно. – Он с шумом перетряхивал на столе книги и бумагу. – Скажем, заусенец на пальце вашей руки... – На крепкой спортивной шее Адвоката проступила багровая пульсирующая жилка. Приосанясь и уйдя глубже, он покачался в мягком сиденье, выполнил ряд новых поступательных перемещений корпусом и, стиснув зубы, с грохотом извлек из каменных недр ящик. – Вы следите за моей мыслью?

– Да, – сказал я. – Очень.

– Что – очень? – не понял Адвокат. Его озабоченный глянцевоый глаз выглядывал из-за края стола.

– В смысле, согласен, – сказал я. – Вы там уже смотрели.

Он снова скрылся из виду, пробормотав из-под стола: «Разве?» – и какое-то время его было не слышно и не видно. Из камина прижаривало уже ощутимо. За портьерой что-то очень негромко шуршало, несло ночной свежестью, словно было распахнуто окно и стояла ночь. Ко мне в гости вскоре пришло, сладко жмурясь, приносиваясь и шевеля длинными серебристыми усами, странное пухлощекое создание с помятым со сна личиком, пушистое, кошачье и пронзительно глазастое, мы сразу понравились друг другу, и енот решил вскоре перебраться спать в мое кресло. В коридоре забегали сильнее. Там уже наблюдался просто какой-то всеобщий ажиотаж, повсеместный подъем и воодушевление на момент внезапного взрывоопасного положения.

– Так вот, – сказал Адвокат. Показалось его потемневшее от прилива крови лицо. – Он был запрограммирован самим образом вашего поведения. Еще раньше оно, поведение, было запрограммировано вашими генами, воспитанием, влиянием окружения и прочая, которые были предreshены уже задолго до своего возникновения. В том ключе, что их, в свою очередь, предопределяла логика космогонии, они были заданы в силу внешних обстоятельств космического характера со своей, строго закономерной, исторической подоплекой, обстоятельства которые, как и все остальное, намертво сцементированы необычайно прочным материалом – случаем, тем же самым роковым образом имеющим свою программность, проистекающую из самой логики событий...

– Вы «состояние» пропустили, – сказал я.

– Какое состояние? – после небольшой заминки спросил Адвокат.

– Состояние формообразования, по-моему, – ответил я.

– Так, – сказал Адвокат. – Он был настроен очень серьезно. – Формы чего? Я что-то начинаю терять нить...

Я подумал.

– Знаете, там было что-то от пяты диплодоков и космических обстоятельств на определенный промежуток времени с безобразным положением чего-то еще. – Во всяком случае, за «состояние» я ручаюсь.

– Ну, – кивнул Адвокат. – А я что сказал?

– Вы успели сказать, чем предопределяется форма, а про «состояние» формы не сказали.

– Так, – сказал Адвокат. – А вы не помните, что там у нас было до того?

Я добросовестно порылся в памяти, но кроме больших умытых персиков в ней ничего не было.

– До того у нас была теория Большого Взрыва, – сказал я, твердо глядя в лицо собеседнику. – Но это задолго до того. Вы еще говорили об его историческом значении.

– Так... – Адвокат помолчал. Казалось, его воображение было чем-то неприятно поражено. – Так, – повторил он. – Давайте по порядку.

– Давайте, – согласился я, усаживаясь удобнее.

– Попробуем еще раз пройти по всей логической цепочке рассуждений, придерживаясь только фактов и ничего, кроме фактов.

– Только фактов, – поддержал я. Серьезность обстановки передалась мне.

– Во-первых, что мы имеем. Заусенец. Это такой факт, что в его основание я готов поставить благополучие Вселенной.

– Логично, – согласился я.

– Идем дальше...

– Минуту, – прервал я его. – Это стоит записать. А то мы снова что-нибудь потеряем. А так у нас будет все на руках...

– Так я же вам рассказываю. – Адвокат смотрел на меня широко раскрытыми холодными глазами убийцы. – Как раз для этих целей и предусмотрен карандаш. Именно для этих целей. То, что есть, просто не той квалификации.

– Средства должны оправдывать цели, – ответил я. – Берите то, что есть, – сказал я ему твердо. – Подойдет в первом приближении, ни на чем не настаивая...

Какое-то время Адвокат смотрел на меня, потом в лице его что-то изменилось. Он явно оценивал новый поворот со всех возможных сторон и ракурсов. С затравленным видом, словно идя на крайний шаг, все последствия которого будут разгребать поколения, идущие следом, он взял чистый лист бумаги.

– Загибайте пальцы, – деловито потребовал я. Теперь я тоже был настроен решительно. – Исходный факт: заусенец. Раз. Предопределен поведением. Два. Поведение предопределено генами, воспитанием и окружением. Три. Предопределены логикой космогонии, внешними

обстоятельствами (космического характера). Сцементированы логикой событий. другими словами, сокращая всю цепь умозаключений до первого и последнего компонента, имеем: Заусенец на пятке предопределила логика обстоятельств.

Адвокат, закончив быстро писать, озабоченно произнес:

– Вы про случай забыли.

Я улыбнулся.

– Совсем другое дело, правда?

Адвокат что-то напряженно подсчитывал, покусывая губы. Потом поднял на меня глаза.

– Я не вижу здесь «состояния», про которое вы говорили, – сказал он. – Ни того, чем определяется форма, ни состояния.

Я взял у него из рук лист бумаги. Их там, действительно, не было.

– Вы что, обвиняете меня в подтасовке фактов? – спросил я прямо.

– Нет, нет, – всполошился Адвокат. – Элемент здорового конструктивного скепсиса всегда приветствуется. То есть какой из всего этого можно сделать вывод?

– Что мой заусенец на мозоли был запрограммирован на стадии зарождения Большого Взрыва что-то около полутора десятка миллиардов лет назад. Вы мне про детерминизм фатализма, что ли, хотите рассказать?

– Я пытаюсь поднять вам шанс остаться в живых. Но с вашим скепсисом, видит небо, это действительно не просто сделать.

– Честно говоря, я не вижу тут большой области приложения сил. Если данное учреждение оперирует категориями Большого Взрыва, то я вообще не вижу, на что тут можно надеяться.

– Сейчас не время предаваться отчаянью, – сказал Адвокат строго. – Я только сказал, что ни одно преступление не должно оставаться без компетентного внимания, давайте не будем подменять понятия.

– Давайте. – Этот Филиал хорошо устроился. Я все еще сидел с босой пяткой и носком в руке, а там уже все решили.

– Вы не понимаете главного, – Адвокат осматривал поверхность стола, словно видел впервые. – Хотя это очевидно для непредвзятого глаза. Здесь никому нет дела до того, что вы совершали или собирались совершить, но в последний момент передумали, это не входит в компетенцию данного предприятия. Вы явно исходите из каких-то своих, взлелеянных на совсем других землях и под совсем другими звездами предубеждений, и это может плохо кончиться. Рассказать вам, что такое настоящий фатализм?

Я приготовился слушать.

– Прошу вас.

Мне не то чтобы было интересно, но когда тебя заранее хоронят, даже не причесав и еще толком не зная, за что, всегда стоит послушать.

– Кирпич с хорошим ускорением опускается на хрупкий стакан, оставленный на подоконнике. За то время, пока он к нему направляется, все уже для себя решив и ни на что не отвлекаясь, можно принять во внимание тысячу причин, в силу которых они не встретятся, что как раз в ту самую секунду упадет астероид, что случится землетрясение, которое нарушит планы кирпича, изменит его траекторию, и вместо встречи с посудой он вылетит в окно. Но этого не делать. Не принимать во внимание ничего, а исходить из того, что такой контакт неизбежен. То есть уже практически состоялся. Не мороча голову людям теорией вероятностей.

Вы и есть тот самый кирпич. Преступное деяние с высокой степенью вероятности здесь относят к такому событию, равному единице.

– Если есть вероятность события – некоего преступления, на которое я при определенных обстоятельствах как бы буду готов пойти с вероятностью, достаточно высокой, то такое

событие рассматривается как достоверное. – Местный прагматизм действительно убивал. – А тут и с теорией вероятностей знакомы?

– Нет, но тут много над ней думали. – Адвокат с вытянувшимся лицом продолжал пялиться на поверхность стола. Он никак не мог пережить потерю рабочего инструмента. – Вот небольшой исторический экскурс. Идеализм противоречил себе на каждом шагу, вконец заврался, и чтобы не попадать в неловкое положение, здесь никто его никогда всерьез не воспринимал. А так льстящий самолюбию материализм со своей свободой – сплошная хроническая недостаточность информации. Разновидность веры то есть. «Течение истории не может быть предопределено в силу привходящих случайностей». Что делать с кирпичом, если «случайности» предрешены уже самой логикой событий и вполне материальными законами? Возможностей, говорят, много и они будто бы как-то зависят от сознательного выбора мотивов и целей. Исход, положим, и стохастичен, но механизм вероятности умеет работать исключительно на результат. Эта возможность так же зависит от способности выбирать, как ваш заусенец – от вашей манеры ходить.

Я задумчиво перенес взгляд с одного книжного стеллажа на другой, со здоровенным, ведер на семь, аккуратно подсвеченным изнутри плоским аквариумом. Пожми плечами, сказал я себе.

Адвокат явно знал свое дело.

– И вот счастливо приходят к тому, что уже заранее предвкушали: к «свободе выбора». По причине ограниченности доступа ко всей информации возникает один и тот же устойчивый образ. «Свобода выбора».

Мне это больше не казалось забавным.

– Передо мной элементарная дилемма: верное или неверное решение. С целью поэкспериментировать я выбираю второе, несущее заведомо массу неприятностей. Это не будет говорить о том, что в том состоит результат моего сознательного решения, когда у меня была реальная возможность выбрать? – Я почувствовал, что мне надоела его манера быть всегда самым умным.

– Это будет говорить только о том, что в том состоит шаг вашей программы. Что бы вы ни выбрали – ваше единственно возможное решение. Строго говоря, с точки зрения программы не существует неверных решений, если сама она выполняется.

– А если нет?

– А вы когда-нибудь видели, чтобы вода была иначе, как мокрой? – если, разумеется, она не лед, не газ, не плазма, не нейтронная водица, не конденсат бозонов и прочее? Одно из явлений природы. К слову, согласно этому закону вырисовывается ряд забавных следствий. Боги, неутомимо пляшущие под дудку бездушной и косной природы, вынужденные программировать свои действия...

Честно говоря, я вообще не хотел напрягать себя и думать тут еще над этим. Господь, сосредоточенно гоняющий шарики кругом нуклонов, представлялся чем-то весьма охватистым, с широчайшим спектром возможностей, но каким-то уж совсем не от мира сего, без всякого понимания и разумения – как у заурядного природного явления, поскольку ни на что другое его просто бы не хватило (согласно самой же общепринятой логике именитых и признанных деистов. Ну, посудите сами, структура только этого Млечного Пути, заурядной спиральной галактики в системе таких прочих составляет, по некоторым непроверенным данным, что-то около десяти и еще шестьдесят восемь нулей одних только элементарных частиц. И каждая норовит при этом что-нибудь сделать по-своему. Конечно, обычному нормальному человеку с улицы это не говорит ничего, но, чтобы как-то сориентироваться: если Землю взять, скажем, за плетеную мусорную корзинку для бумаг – десять и пятьдесят нулей собственных нейтронов и прочих мезон-адронов, тоже не фигура встать-сесть, – то Солнце в сравнении с ней пойдет уже за приличную мусорную свалку за городской чертой. Все равно получается много.

Ну, остальное далее подразумевается: отдельные объекты ближайшего звездного окружения легко потянули бы объемами на сотни миллионов упомянутой звезды – скромной, в чем-то заурядной, но по-своему неповторимой. У нас тут сейчас в Галактике – ... пусть будет биллион звезд. Таких галактик в нашей Сверхгалактике, обычной единице обозримой на сегодняшний день вселенной, – миллионы галактик. Я это все к тому, что куда ж деть эти один и восемьдесят нулей без чуткой, заботливой, отеческой руки. Любому здравомыслящему человеку с улицы подумать только даже станет не по себе – пустить все это дело на самотек.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.